

Бердникова Татьяна

16+

Проклятый граф

Том VII. На крючке ярости

Татьяна Бердникова

**Проклятый граф. Том
VII. На крючке ярости**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бердникова Т. А.

Проклятый граф. Том VII. На крючке ярости /
Т. А. Бердникова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98265-9

Прошло пятнадцать лет - и вновь на обитателей замка Нормонд обрушилось старое проклятие! Рыжий мерзавец сумел вырваться из плена, проклял молодого наследника рода, и сумел вмешаться в магию хранителя памяти, отправляющегося в прошлое! Теперь друзьям предстоит путешествие по шестому веку, попытки справиться с коварным ворасом и путь к величайшему магу всех времен! А их родные в настоящем изо всех сил пытаются одолеть озлобленного оборотня, но все больше и больше увязают в его коварных сетях...Для оформления обложки использовано изображение из личного архива автора.

ISBN 978-5-532-98265-9

© Бердникова Т. А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Татьяна Бердникова

Проклятый граф. Том VII. На крючке ярости

Огромный средневековый замок высился на склоне холма.

Мимо него текли годы, декады и века, мимо него неспешно скользила вечность, оставляя свой отпечаток на каменных стенах. Менялись поколения обитателей, люди рождались, взрослели и умирали, миновали радостные и страшные события...

Замок стоял, непоколебимый, строгий и уверенный, вечный и неизменный, всегда на том же месте, всегда готовый принять и взлелеять новое поколение своих хозяев.

Было время, и на три столетия он будто выпал из жизни, он был почти законсервирован, замкнут в одной точке, как и его хозяин, но они прошли – и жизнь снова потекла по каменным венам. Замок ожил, замок зазвенел голосами, заискрился смехом и, казалось, стал еще прекраснее, чем прежде.

А может, и не казалось?

В то время, когда хозяин древнего строения безжизненно сидел в холле, его вотчина пугала воображение, казалась не прекрасной обителью дворянина, а скорее тюрьмой, мрачной темницей, каменным склепом для живых, несчастных узников, и подходить к нему не рисковал никто.

Сейчас же, когда стены замка были заново отстроены, окна вымыты, а комнаты вычищены, когда даже старые дубовые двери, казалось, сияли новой древесиной, ни у кого из случайных посетителей не возникло бы и мысли о каких-то мрачных тайнах, прячущихся за высокими стенами. Трудами хозяина замка, стараниями его обитателей к древнему строению была проведена хорошая дорога, соединяющая его с большим миром и, чудилось, ничего ужасного, скрытного и страшного быть здесь просто не могло.

Никаких пленников случайные посетители увидеть здесь не ждали и не подозревали и, пожалуй, очень удивились бы, узнав, что пленник здесь все-таки есть.

Он сидел в самом глубоком подвале замка, ниже, чем можно было спуститься из основных помещений, ниже, чем можно было представить; сидел, скованный по рукам и ногам, с железным ошейником на шее и хладнокровно считал минуты своего бесконечного заточения.

Свобода ему не светила, и он знал это – он был осужден пожизненно, а если учесть, что жизнь его была бесконечной, то и заточение растягивалось на вечность.

Впрочем, сидеть так долго, как хотелось его врагам, пленник не собирался.

Мимо него текли, сменяясь один за другим, годы, он сидел здесь уже долго, подпитывая так и норовящие угаснуть силы лишь жалкими подачками, какими кормили его тюремщики, да неукротимой внутренней яростью.

Они сделали все, чтобы он не мог выбраться.

Сделали все, сковали его, опасаясь его силы, выстроили стену, которая должна была бы помешать ему бежать в поместье друга, чей подвал был соединен с этим, они замуровали в стене рядом меч, тянущий из него силы – они сделали все! Но не учли наличия у него силы, неподвластной проклятому мечу.

Его дух был несгибаем, сила его воли не могла быть сломлена, а ярость придавала ему сил, зажигая вновь так и норовящий угаснуть внутренний огонь и, пользуясь этими силами, единственными, что остались у него, он потихоньку начинал возрождать в своем теле былую мощь.

Конечно, они не знали об этом, не предполагали, что он может быть на это способен. Конечно, он не демонстрировал своих способностей тем, кого так ненавидел...

Прямо перед пленником внезапно, вынырнув из тьмы, возник силуэт высокого молодого человека с длинными черными, завивающимися мелкими кольцами волосами, и он криво улыбнулся. Эти визиты за последнее время уже стали для него привычны.

– Желаете провести партию, господин виконт? – голос его звучал хрипловато, не так, как прежде: проклятый ошейник на шее мешал нормально разговаривать.

– Как обычно, господин пленник, – в тон ему отозвался парень и, легко поведя рукой, заставил возникнуть перед узником невысокий, как раз на уровне его скованных рук, столик с шахматной доской на нем. Себе же он создал стул, на которой тотчас же и присел.

Фигуры были уже расставлены, и пленник, чуть сузив желтые глаза, с видимым трудом покачал головой – ошейник мешал ему делать и это.

– Могли бы и позволить пленнику сыграть белыми, месье Роман, – голос его так и сочился ядом, однако, на собеседника его это, по-видимому, впечатления не произвело, – Начинайте.

Роман, согласно опустив подбородок, мягко коснулся одной из фигур, переставляя ее. Противник его, тонко улыбнувшись, взял мизинцами скованных рук одну из собственных и хладнокровно ответил на вызов.

– Одно меня удивляет... – партия уже всю шла, однако, виконт предпочитал молчать, и пленник решил заговорить сам, – Вы приходите ко мне с завидным постоянством, часто играете со мною, скрашивая мое одиночество... Но всегда молчите. Насколько мне известно, это не в вашем характере, почему с вашей стороны я подвергнут такому остракизму?

– Потому что ты излишне хитер, песик, – хладнокровно отозвался парень, – Один раз из-за тебя я уже поругался с родными, когда ты отобрал у нас с Виком меч^{1*}, второго раза не хочу. Но поиграть с великим гроссмейстером мне всегда интересно, тем более, что с памятного раза я еще не одержал ни одной победы.

Названный «песиком» молодой человек, молодой мужчина, ибо пребывание в плену сделало его визуально старше, хмыкнул и вновь аккуратно переставил фигуру.

– Потому что та твоя победа была глупой случайностью, мальчик. Я был утомлен предыдущим поединком, был отвлечен... Ах, да что теперь, – он обезоруживающе улыбнулся, – К чему вспоминать прошлое, когда у нас с тобой есть славное настоящее? Расскажи... – пленник немного подался вперед, с жадным интересом вглядываясь в лицо собеседника, – Что происходит наверху? Почему ты не играешь с маленьким наследником, неужели он перестал увлекаться шахматами?

Роман ухмыльнулся и, сбив вражескую фигуру с доски, весело пожал плечами.

– Ты, я смотрю, потерял тут счет времени, Чес. «Маленькому наследнику» уже двадцать один год, и сейчас у него есть занятия, увы, более интересные, чем шахматные поединки... – парень вздохнул с наигранной грустью, – Приходится играть с тобой, мучая собственные глаза лицемерием твоей рыжей шевелюры. Хотя, кажется, в подполе она немного потускнела? Или ты внезапно вспомнил, что ты оборотень?

Рыжий оборотень широко, с, казалось бы, давно оставшейся в прошлом жестокостью, улыбнулся.

– Увы, здесь нет зеркала, мальчик, чтобы я мог оценить, как выгляжу. Что же до второго твоего вопроса... Мне казалось, ты должен знать, что я больше не оборотень – это ведь вы замуровали неподалеку от меня Нейдр. Он тянет из меня силы, не дает восстановить их, я слабну, едва обретя надежду... – желтые глаза его чуть сверкнули: Чес лгал, но делал это так убедительно, что не верить ему казалось невозможным.

Впрочем, на Романа впечатления это не произвело. Он равнодушно прищелкнул языком и, сбив еще одну вражескую фигуру, с деланным сочувствием покачал головой.

¹ * Т. Бердникова, «Проклятый граф. Том VI. Гарде и шах»

– Ай-яй-яй, бедненький песик, какие страдания! Ну, ты бы хоть намекнул в прошлый раз, я бы тебе сегодня принес косточку, чтобы было, чем развлечься. Или что, ошейник мешает дотянуться до нее?

Пленник улыбнулся шире, и в улыбке этой появилось что-то дьявольское.

– Однажды... – медленно и почти ласково вымолвил он, – Я выберусь отсюда и вырву твое сердце, шенок. И тогда тебя не спасет даже та жалкая толика бессмертия, что была дарована тебе мастером, тогда тебя не спасет ничто! Мат.

– Как?.. – Роман, только, было, собравшийся ядовито ответить на выпад пленника, растерянно опустил взгляд на доску и, обнаружив правоту противника, раздраженно смахнул фигуры на пол, – Да что б тебя! Я все наивно надеюсь поучиться у тебя мастерству, Чеслав, а ты постоянно обыгрываешь меня раньше, чем я успею начать обучение! Вот уж точно: рыжий человек – бесстыжий человек...

Чеслав хмыкнул. Быть сильнее, даже оставаясь скованным, ему нравилось.

– А мне казалось, рыжих просто полагают недобрыми, – мягко напомнил он, – Плохими, злыми... опасными. Ты бы поостерегся дразнить меня, виконт.

Виконт неспешно поднялся на ноги и, окинув пленника насмешливым взглядом, легко махнул рукой. Стол, стул, разбросанные по полу темницы шахматы – все это исчезло в мгновение ока, боле не нарушая мрачный антураж обители узника.

– Я не боюсь тебя, пес, – холодно бросил парень, – Отсюда тебе не выбраться никогда, мы позаботились об этом, да и я постоянно слежу за тобою. До скорой встречи... я подготовлюсь, чтобы твоя победа не была такой громкой.

Рыжий согласно опустил ресницы – отвечать ему уже не хотелось.

Роман, усмехнувшись, отступил на шаг и, не прибавив боле ни слова, исчез, словно бы и не стоял никогда перед ним, словно бы и не играл только что в шахматы.

Чеслав приоткрыл глаза. Губы его тронула мягкая улыбка.

– Выходи, Ан, – говорил он спокойно, негромко и уверенно, – Он не заметит тебя. И можешь принять свой нормальный облик – мечу боле не достанет сил атаковать еще и тебя.

Подземелье на секунду будто осветилось молнией, ярко высветившей высокую светлую фигуру беловолосого человека.

– Рад видеть тебя, – рыжий улыбнулся шире, – Впервые за пятнадцать лет. Я скучал по твоему человеческому облику, брат.

– Я тоже скучал по нему, – голос отвечающего звучал одновременно сипловато и хрипло, словно у него было сорвано горло, – Как и по тебе, Чес. Обнял бы, но... – он горько вздохнул и, шагнув к собеседнику, легко скользнул пальцами по охватывающему его шею ошейнику. Лицо его на миг исказила гримаса боли.

– Мне жаль... – мужчина опустил голову, качая ею, – Если бы тогда я был рядом...

– Не вздумай винить себя, Анхель, – Чес сдвинул брови, ловя руку собеседника своими скованными, – Когда это произошло, ты был мертв, все еще мертв, и я только благодарю небеса, что ты как-то сумел...

– Чес, – Анхель, прервав собеседника, немного нахмурился, – Ты забыл? Я рассказал тебе, что мне помог мальчик. Анри.

Чеслав, и в самом деле подзабывший этот эпизод из жизни друга, устало выдохнул, немного откидывая голову назад и прижимаясь затылком к холодному камню.

– Ах, да... маленький наследник. Виконт сказал, что он немного подрос за прошедшие годы.

На губах беловолосого появилась широкая, очень мягкая и добрая улыбка – говорить о повзрослевшем наследнике ему было нескрываяемо приятно.

– Да, Анри вырос... – задумчиво молвил он, пытаясь погасить улыбку, – Вырос, оставаюсь верным нашей с ним дружбе. Прости, Чес, но я не могу идти против этого паренька. Он славный малый, он...

– Довольно, – в голосе пленника на миг зазвенел металл, однако, тотчас же смягчился, – Если ты дружен с наследником де Нормондов – я не против, Ан. Может быть... однажды и он окажется полезен нам, полезен *мне*.

Анхель нахмурился и уверенно покачал головой. В том, что Анри поможет кому угодно, но только не его верному другу, мужчина был убежден.

– Он не пойдет против семьи, Чес, ни за что не пойдет. Парень любит родных, дорожит ими, он жизнь готов отдать, лишь бы их защитить!

– Тише-тише, – Чеслав негромко рассмеялся, с некоторым трудом качая головой, – Я сказал «может быть», Ан, не стоит принимать мои слова за истину в последней инстанции. Не хочу больше говорить о мальчике. Скажи... – желтые глаза его немного сузились, – Что за эти годы случилось с капитаном?

Собеседник узника равнодушно пожал плечами и, опустившись прямо на холодный пол, скрестил ноги на турецкий манер. Ему как раз говорить об этом человеке было не интересно, с большим удовольствием он рассказал бы об успехах Анри, дружбой с которым дорожил, однако, на вопросы того, кто уже больше тысячи лет был ему почти братом, не отвечать не мог.

– Он во флоте, – бросил мужчина, – Я слышал, нанялся судовым врачом. Может, дослужился до какого-то чина – мне это неизвестно. Возвращаться на сушу он, говорят, не хочет, к тому же... – он куснул себя за губу, – До меня доходили слухи, будто Тъери что-то сделал, чтобы помешать сыночку стареть. Капитан был разгневан, но теперь говорит, что даже рад – во всяком случае, сможет дольше быть в море. Похоже, эксперимент мастера все-таки испортил беднягу Чарли – он стал заправским моряком.

Чеслав, с любопытством выслушавший новую информацию, ненадолго прикрыл глаза, обдумывая что-то. Потом улыбнулся.

– Хорошо... это хорошо, Ан, мне это пригодится. Знаешь... – молодой человек открыл глаза, взирая на друга почти насмешливо, – Я ведь не собираюсь сидеть здесь вечность. Мои силы возвращаются, Ан, медленно, очень медленно, но они возвращаются вновь! Древние камни дают мне могущество, я начинаю сопротивляться Нейдру! Скоро, очень скоро я выберусь отсюда... Я разрушу стену и заберу меч, я сравняю замок с землей и похороню под его обломками всех его обитателей! Скажи мне... – заметив, что слушатель холоден, он немного нахмурился, – Что за время года сейчас на дворе?

– Зима, – легко отозвался Анхель, – Холодная и снежная зима, Чес, возможно, именно та зима, какую некогда показывал мастер Татьяне. Я рад, что ты не сдаешься, друг мой, очень рад... но будь осторожен в своих планах. Те, кто проживает над твоей головой, отнюдь не глупы и их более не следует недооценивать.

Красивый молодой человек, сидящий за письменным столом в одной из комнат замка, нахмурился и, приложив линейку к листу бумаги, решительно провел карандашом вдоль нее прямую линию. Окинул получившийся график взглядом и, тяжело вздохнув, выразительно сплюнул сквозь зубы, принимаясь стирать изображенное.

От интересного занятия его отвлек чей-то негромкий, знакомый смех.

– Все возишься с уроками?

Парень быстро повернулся и, сдвинув брови, покачал головой.

– Ан, какого черта? Я же просил тебя быть осторожнее – ты бы хоть дверь закрыл, прежде, чем появляться!

– Да ладно тебе, – беловолосый мужчина, мгновением назад возникший в комнате друга, негромко фыркнул, демонстративно прикрывая распахнутую дверь, – Я двадцать раз успею обратиться, если к тебе кто-то пойдет. Помощь не нужна? – взгляд его прозрачно-зеленых глаз красноречиво указал на жалкие попытки юноши решить тригонометрическую задачу. Тот отмахнулся, вновь склоняясь над листом бумаги.

– Сам справлюсь. Какие новости?

– Зависит от того, что ты имеешь в виду, – собеседник его присел на край большого кресла и, облокотившись на собственные колени, заинтересованно склонил голову набок, – Ты так и не рассказал родителям?

Лицо молодого человека помрачнело. Несколько секунд он еще тщетно пытался делать вид, что полностью погружен в решение задачи, но потом бросил карандаш на стол и скрестил руки на груди.

– Нет, – голос его звучал удивительно ровно, – Ан, я взрослый человек, маг, я сам могу принимать такие решения. В конце концов, мой дед, становясь бессмертным, тоже никого не спрашивал!

– Но у твоего деда не было семьи, могущей дать ему тот или иной совет, Анри, – Анхель, который, побывав у Чеслава, теперь поднялся к другому своему другу, чуть прищурился, – Не было меня... То есть, я-то рядом с ним был, но советоваться он со мной не собирался. А тебе, по-моему, все-таки стоит им сообщить.

Анри фыркнул, откидываясь на спинку стула. С его точки зрения, идея была не самой удачной.

– Чтобы спровоцировать скандал? Мама до сих пор меня считает маленьким несмышленьким, как будто мне по-прежнему шесть... – парень тяжело вздохнул и, мотнув головой, небрежно махнул рукой, – Узнают лет через десять, когда увидят, что я не меняюсь. В конце концов, мама с папой тоже выпили такое же зелье, замедлив бег времени, как и Людовик, почему я не имею на это права?

– Я тебя не виню, – Ан, заметив, что приятель занимает оборонительную позицию, примирительно поднял руки, – Просто, сам будучи взрослым человеком...

– Хватит! – юноша вскочил на ноги, гневно сдвигая брови, – Я устал постоянно слышать от других, что они, видите ли, взрослые люди, я сам уже давно не ребенок! Мне двадцать один год, Ан, я взрослый по всем законам, я могу...

– Анри! – Анхель, уже давно привыкший к вспыльчивому нраву своего друга, вздохнул, откидываясь на спинку кресла, – Я очень рад, что ты помнишь, сколько тебе лет, мальчик, правда. Но хотелось бы, чтобы ты не забывал и о моем возрасте – мне тысяча пятьсот тридцать лет, сынок, так что будь добр уважать старика в моем лице.

Парень, довольно быстро остыв, выдохнул через нос и, упав обратно на стул, привольно свесил одну руку с его спинки. Человеком он был и в самом деле вспыльчивым, но, тем не менее, и довольно отходчивым, а на своего лучшего друга долго злиться не мог и подавно.

– Я об этом никогда не забываю, месье Мафусаил, – легко отозвался он и, окинув собеседника пытливым взглядом, прищурился, неожиданно серьезнее, – И все-таки, Ан, какие новости? Ты ведь, я полагаю, был у Чеслава?

По губам мужчины медленно расплылась довольная, тонкая улыбка – быстрый ум приятеля ему чрезвычайно импонировал, особенно в свете того, что на воспитание в нем этой способности в немалой степени повлиял и он сам. В конце концов, не зря же он дружил с этим мальчишкой еще с тех пор, как ему было шесть лет, не зря он учил его тому, чему сам научился за свою неимоверно долгую жизнь... А Анри был благодарным учеником. Знания юный маг впитывал, как губка, черпал их отовсюду с невероятной жадностью и, достигнув возраста в двадцать один год, по магическим умениям уже почти сравнялся со своим великим дедом – мастером Альбертом.

– Догадливый мальчишка, – бросил Анхель, не зло и даже не насмешливо, а просто констатируя факт, – Да, я был у него. Едва не натолкнулся на твоего дядюшку – Роман как раз заявился сыграть с ним в шахматы.

– Ну, что ж, я с ним сейчас не играю, приходится учиться у гроссмейстера, – рассудительно отметил парень и слегка кивнул собеседнику, – Ну?

Мужчина помрачнел. Сообщить своему молодому другу о том, что узнал, ему хотелось безмерно, однако, в данной ситуации он несколько колебался. Не рассказать – значило бы предать его, а рассказать – значило бы предать Чеса, и делать ни того, ни другого Ан не хотел.

– Чес... – он замялся и тяжело вздохнув, ненадолго прикрыл глаза, – Мне трудно решить, как поступить, Анри. Если я скажу тебе то, что сказал мне он – я предаю его. Но, если не скажу...

Анри понимающе кивнул. Парнем он был неглупым, можно даже смело сказать – умным, и действительно отличался немалой догадливостью, поэтому сообразить, о чем идет речь, в принципе, способен был.

– Если не скажешь – предашь меня, – задумчиво протянул он, – Любопытно. Полагаю, к Чеславу возвращаются силы?

Анхель вздрогнул, распахивая глаза. Такой степени догадливости от друга он все-таки не ждал.

– Возвращаются... – тем не менее, тихо отозвался он, – Медленно, постепенно, но... Я смог принять человеческий облик там, в подземелье. Смог, потому что он начал сопротивляться Нейдру, начал обуздывать его...

Парень нахмурился – масштабы катастрофы он прекрасно сознавал.

– Это плохо, – показывать, тем не менее, страха или волнения, Анри не пожелал, – Что еще?

– Он хочет разрушить замок, – собеседник его совсем помрачнел: выдавать планы друга ему было очень неприятно, – Сказал, что вскоре выберется из подземелья, и сравняет Нормонд с землей, похоронив под ним всех его обитателей. Ты... понимаешь, почему я сказал тебе это.

Молодой человек глубоко вздохнул и согласно опустил подбородок. Он понимал, понимал очень хорошо и никакого удовольствия от этого понимания не испытывал.

– Хочешь, чтобы я покинул замок, дабы случайно не попасть под раздачу, – он хмыкнул и покачал головой, – Всерьез думаешь, что я позволю своим родным и друзьям, своим родителям, своим брату и сестре, своему дедушке и своим дядям погибнуть под обломками замка? Ан, – заметив выражение лица собеседника, парень поморщился, – Когда ты уже прислушаешься ко мне и забудешь про эту свою бессмысленную ненависть, про этот дурацкий обет мстить до конца? Сколько можно повторять – ненависть не приведет тебя к победе, она станет твоим палачом, ты уничтожишь сам себя!

– Уже уничтожил, – мужчина раздраженно нахмурился: нотаций друга он не любил, – Хватит, Анри. Мы уже говорили об этом не раз, и я по-прежнему остаюсь при своем мнении. А ты... попробуй под каким-нибудь благовидным предлогом увести родных из замка, ладно. Я не скажу, что меня обрадует, если они сохранят жизнь... но причинять тебе боль мне не хотелось бы.

– Спасибо и на том, – Анри поморщился и, вновь поднявшись на ноги, легко взмахнул рукой, – Обращайся. Я, пожалуй, не буду оттягивать, сразу же поговорю с кем следует. Трудно, конечно, будет объяснить... – он вздохнул, – Но рано или поздно это должно было произойти.

Анхель безмолвно кивнул и, не спеша перевоплощаться, спокойно проводил покидающего комнату друга глазами. Затем встал и, подойдя к столу, окинул долгим взглядом исписанный мелким почерком лист бумаги – ту самую задачу, что так старательно пытался решить Анри, когда он появился с новостями, – и, усмехнувшись, сам присел на стул, беря в руки карандаш. Помогать другу с институтскими заданиями мужчине всегда нравилось.

Молодой человек остановился перед знакомой дверью и, глубоко вздохнув, пару раз легонько стукнул костяшками пальцев по створке, мимолетно улыбаясь. Да, миновало то время, когда он врвался сюда без стука, уверенно распахивая дверь, знающий, что обитатель комнаты не рассердится на него, миновала золотая пора его детства... Как бы еще это родителям объяснить, чтобы поняли, что сын уже вырос.

– Заходи, – донесся из комнаты приветливый отклик, и парень, негромко хмыкнув, решительно вошел в комнату. Каким образом его родич всегда точно угадывает, что пришел именно он, Анри не знал.

Сидящий за столом хорошо сложенный мужчина с чуть выющимися каштановыми волосами до плеч, собранными в хвост, поднял голову и, приветливо улыбнувшись, кивнул ему на кресло, приглашая присесть.

– Снова отлыниваешь от занятий? – он добродушно усмехнулся и покачал головой, – Смотри, узнает твоя мама...

– Брось, Винс, – Анри недовольно поморщился, – Не так уж часто я отлыниваю от занятий, и не так уж плохо учусь. Тем более, что и учиться-то осталось всего ничего... Я по делу.

Названный Винсом мужчина чуть склонил голову набок, вопросительно взирая на собеседника – тратить слова понапрасну он не любил.

– У меня... – молодой человек глубоко вздохнул, выпрямляясь в кресле, в которое успел все-таки присесть, – Я хотел... В общем, я кое-что знаю, и считаю своим долгом сообщить об этом не только тебе, но и всем, но... боюсь, что вы будете этим недовольны.

Мужчина облокотился о столешницу, подпирая подбородок рукой. В глазах его зажегся откровенный интерес.

– Заинтриговал, – отметил он, – И что же это за такое важное, чем я и все другие могут быть недовольны?

Анри на несколько мгновений сжал губы, мысленно подыскивая наиболее обтекаемую форму для сообщения действительно немаловажной информации, ища ее и не находя.

– Это... в общем... – он еще раз тяжело вздохнул и, нервно ломая пальцы, выпалил, – Чеслав собирается разрушить замок!

Брови его собеседника поползли вверх; на губах отразилась недоверчивая улыбка. Слова парня звучали, в свете всего, что знал сам мужчина, по меньшей мере, глупо, и ничего серьезного он в них не видел.

– Это невозможно, – Винс явственно постарался не показывать, насколько неважными кажутся ему слова юноши, и покачал головой, – Если тебе приснился какой-то плохой сон, Анри, или что-то в этом роде – не волнуйся. Такого не может быть, Чес...

– К нему возвращаются силы! – Анри, сознавая, что его не воспринимают всерьез, вскочил на ноги, – Винсент, я не шучу, это не сон и не бред сумасшедшего – Чеслав медленно, но верно восстанавливает былую мощь, он уже начинает обуздывать Нейдр!

На лицо мужчины легла тень. Слова парня были горячи, искренни, не верить им получалось с трудом, да и то, что он говорил... Винсент нахмурился. Единственным способом узнать это, могло быть то, что молодому человеку было строжайше воспрещено и, сознавая это, мужчина начинал понимать и то, почему все они должны были быть недовольны сообщенным.

– Как ты узнал? – голос его зазвучал тише, ниже; где-то в глубине его угадывалось звериное рычание, – Спускался в подвал?

– Нет, – Анри, сообразив, в чем его подозревают, уверенно качнул головой и, сам мрачняя, сознаваясь в вещах еще более неблагоприятных, медленно вновь опустился в кресло, – Нет, Винс, я не был в подвале. Мне... рассказал мой друг, – наткнувшись на недоверчивый взгляд

карих глаз, парень невесело улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, продолжил более весело и внушительно, – Мой лучший друг. Маркиз Мактиере, Анхель Франциск Мактиере.

Винсент вскочил. На сей раз слова парня подвергнуть сомнению он не мог – знал, что ему не должно было быть известно полное имя Анхеля, знал, что ему не должен был быть известен его титул, и, если он его знал... Но как такое возможно, он же боялся его!

– Кто?.. – хотелось зарычать, но голос не слушался. В глазах засверкали желтые искры: мужчина был растерян и разгневан одновременно, сам не зная, чего в нем сейчас больше.

– Ты... как??? Как ты можешь быть связан с ним?! – он резко выдохнул и, мотнув головой, попытался усмирить собственную ярость, стараясь мыслить рационально, – Нет, нет-нет, этого не может... Анхель был обращен пауком навечно! Что за чушь ты несешь, мальчик! Даже общайся ты с этим ворасом, как ты можешь звать его...

– Анхель давно уже не паук, – Анри немного сдвинул брови, – Уже лет пятнадцать как, Винс. Я... спас его когда-то.

Винсент упал обратно на стул, в немом поражении созерцая своего молодого собеседника. Уверенный, резкий, твердый – настоящий де Нормонд, сочетающий в себе характеры, наверное, всех своих родственников и приправляющий их... еще чьим-то влиянием. Это поведение, этот холод... Нет, этого не может быть, этого не должно быть!

Мужчина запустил руку в волосы, отчаянно стараясь привести мысли в порядок. Пятнадцать лет! Пятнадцать лет спокойного существования, безо всяких нападений, угроз и опасностей! И вот теперь этот чертов мальчишка запросто приходит и сообщает, что все это время над их головами, оказывается, был занесен меч? Что их враг, их злейший враг, тот, кто мечтает извести на корню всех, обитающих в замке, жив и здоров и, должно быть, не единожды бывал здесь??

Он хотел что-то сказать, но не находил для этого сил. Как, как могло прийти молодому наследнику такое в голову, как он мог поступить так?? Предать их... предать их всех, сойтись с врагом, подружиться с ним!

Винсент медленно поднял голову, потрясенно глядя на хладнокровного юношу перед собой. И ведь он даже не понимает, что натворил! Не понимает, какой опасности подверг всех их, не хочет...

Внезапный стук в дверь заставил его, вздрогнув, немного отвлечься от собственного шока, устремляя взгляд на входную створку. Кто пришел, он знал – давно научился различать своих родных и друзей по стуку.

– Входи... – голос мужчины прозвучал устало, обреченно: сил на другую интонацию у него попросту не было.

Дверь распахнулась, пропуская высокого мужчину в белоснежной рубашке с распахнутым воротом, в простых светлых джинсах, аккуратно причесанного и с поблескивающими сережками-гвоздиками в обоих ушах. На правой руке его красовался изящный браслет в виде гибкого кошачьего тела, обнимающего запястье и держащего в лапах черный камень; на шее посверкивал кулон из прозрачного камня, тоже выполненный в виде кошки.

Анри, столь внезапного явления не ждавший, поспешно выпрямился в кресле, осязательно напрягаясь; Винсент мрачно улыбнулся.

– Я помешал? – мужчина красиво изогнул бровь, переводя взгляд с одного из собеседников на другого, – Прошу прощения. Хотел лишь спросить, не видел ли ты Андре, Венсен.

Винсент, названный другим именем, но отнесшийся к этому абсолютно спокойно, быстро махнул рукой, хмуря брови.

– У него какие-то дела в Париже, обещал к вечеру вернуться. Ты очень вовремя пришел, потомок... Присаживайся. Присаживайся и послушай, что расскажет твой внук!

Упомянутый внук безмолвно закатил глаза – скандал, который он так не хотел спровоцировать, с минуты на минуту грозил разгореться вовсю.

– Так, – мужчина, предпочитая не садиться (тем более, что было и некуда – стул и кресло были заняты, а кровать стояла разобранной), скрестил руки на груди, – Что ты натворил, Анри?

– Я... – начал, было, отвечать юноша, однако оказался перебит. Винс, криво улыбаясь, вскинул руку в останавливающем жесте.

– О, нет, позволь уж мне самому сообщить все! Просто язык чешется поведать о твоих подвигах, мальчик, – мужчина на секунду замолчал, делая несколько медленных вдохов и выдохов, а затем резко бросил, – Он дружен с Анхелем, Альберт. Он спас его, вернул ему человеческий облик!..

– Это было пятнадцать лет назад! – парень, не желая ждать, пока его дед придет в себя от сообщенного и что-нибудь скажет, негодуя всплеснул руками, – Как насчет срока давности за преступления, а? Я помог ему случайно – забрел в поместье, увидел мертвого паука в какой-то плошке в растворе, понял, что там кое-чего не хватает... Вы же знаете – я умею по запаху определять, насколько правильно составлено зелье. Наверное, у меня это от Андре, хотя я не знаю...

– Замолчи! – Альберт, хмурящийся все сильнее, резко шагнул вперед, – Пятнадцать лет назад, Анри? В шестилетнем возрасте ты дошел в одиночку до поместья Мактиере и спас Анхеля?! Что еще ты делал в детстве, мальчик? Может быть, все наши проблемы с Чеславом были из-за тебя?

Молодой человек, на секунду обомлев, даже приоткрыл рот от негодующего изумления. Такого он не ждал, того, что скандал примет такие масштабы, не подозревал.

– Дедушка, но это обидно! – слова, наконец, нашлись, и Анри замотал головой, – Я не предатель! Что вы все... Я просто помог человеку, вернее, тогда еще пауку, я не мог не помочь! Да и вообще речь сейчас не об этом! Анхель сказал мне...

– Значит, спася его пятнадцать лет назад, все эти пятнадцать лет ты продолжал общаться с ним? – в голосе Альберта загрелись громовые раскаты, – Все эти годы ты лгал нам, не говорил, что общаешься с врагом! И сейчас, вдруг, решил сознаться в своей лжи – с чего бы это? Или, быть может, Мактиере приказал тебе проявить честность?

Анри вспыхнул. Парнем он вырос и в самом деле очень вспыльчивым, беспочвенных обвинений в свой адрес не любил и, обожая своих родных, на самом деле, нередко ругался с ними. В последнее время, правда, чувствуя себя более взрослым, юноша старательно сдерживался, научился сглаживать возникающие конфликты, но сейчас собеседник его перегнул палку.

– Я не собачка, чтобы слушать приказы! – он почти шипел, не в силах усмирить охватывающую его с каждым мигмом все сильнее и сильнее ярость, – И Ан – не хозяин мне! Он мой друг, мой лучший друг, веришь ты или нет! И я не предавал вас, никогда бы не сделал этого, я все время, непрестанно твержу ему, чтобы он оставил свою ненависть к вам! – молодой человек вскочил на ноги, немного наступая на деда, – И сейчас я пришел сообщить, что Ан сказал мне – к Чеславу возвращаются силы! Он обуздал Нейдр, он того и гляди разрушит замок, но вам на это, должно быть, плевать! Вы не станете верить ни его словам, ни моим, потому что в ваших глазах мы, мы оба – чертовы предатели, не заслуживающие ни капли веры! Прекрасно, просто прекрасно! – и, не в силах больше оставаться в компании родных, в компании людей, которых любил, наверное, больше всего на свете, парень резко оттолкнул несколько опешившего Альберта в сторону, стремительно вылетая из комнаты.

Винсент, такого взрыва тоже не ждавший, ошарашенно покрутил головой. Человеком он был справедливым, за годы жизни успел неплохо изучить людей, и прекрасно знал, что такая вспышка ярости в душе Анри может быть спровоцирована только по-настоящему несправедливыми обвинениями... но сам последние таковыми не считал.

– Он назвал его Ан, – Альберт, медленно подняв опущенную на доли секунды голову, покачал ей, – Ты слышал, Венсен?.. Несколько раз, называл его сокращенным именем, называл так, как его имеет право звать лишь Чеслав!

Винс медленно провел ладонью по лицу. Происходящее не укладывалось у него в голове, верить в истинность подозрений безмерно не хотелось, но... Он тяжело вздохнул.

– Думаешь, Анхель и в самом деле считает его другом? Думаешь, ради Анри он сумеет забыть о своей ненависти к тебе, Антуану ла Бошеру, великому мастеру, так похожему на того... другого, – здесь мужчина чуть поморщился, – Думаешь, забудет о мести, оставит нас в покое? Ради Анри?..

– Кто знает, – великий мастер Альберт на несколько секунд сжал губы, мрачно размышляя, – Но одного мы отрицать не можем, Венсен, – пятнадцать лет Анхель не давал о себе знать. Был дружен с Анри, находился с ним рядом, но не попытался причинить нам вреда, не сделал ничего, что могло бы быть приятно ему и неприятно нам!

Собеседник его криво улыбнулся. С его точки зрения, Анхель сделал более, чем достаточно.

– Да, только переманил Анри на свою сторону. Ладно... я думаю, надо рассказать остальным. Такое умалчивать мы не имеем права.

Мастер слабо усмехнулся и покачал головой. Реакцию внука на это предсказать он мог.

– Анри будет зол, – негромко отметил он, – Но ты прав, друг мой, умалчивать это мы не имеем права.

Анри мерил резкими шагами коридоры замка, стремясь как можно скорее покинуть его. Он был в ярости, он никак не мог обуздать собственный гнев и знал лишь один способ немного успокоиться – пройтись по лесу и вдохнуть свежий, холодный воздух.

Природа всегда успокаивала его, всегда проливали бальзам на истерзанную собственной вспыльчивостью душу.

Быть таким раздражительным парню не нравилось – ему порой казалось, что он забыл выйти из подросткового возраста, ему хотелось стать более взрослым, более спокойным и уравновешенным, но... Разве Винс сейчас проявил себя уравновешенным? Разве дед вел себя спокойно? Нет! Они не дали ему и слова сказать, не захотели слушать его оправданий, они просто накинулись на него, смешали с грязью и растоптали!

Юноша стиснул кулаки, ощущая, как душу словно ножом режет острая ярость. Как они могли! Он, дурак, думал, что Винсент поймет его, думал... думал... да черт уже знает, о чем он думал, сейчас все неважно!

– Анри!.. – знакомый женский голос заставил парня на мгновение закрыть глаза, тотчас же прибавляя шаг.

– Не сейчас, мама! – бросил он и, злясь сам на себя, стремглав бросился к выходу из замка. Обижать мать он не хотел.

Молодая девушка, совершенно не изменившаяся за пятнадцать прошедших лет, как раз вышедшая из комнаты своих младших детей, проводила старшего сына растерянным взглядом. Потом грустно вздохнула и покачала головой.

Вспыльчивый нрав первенца был ей хорошо известен, как было известно и то, что в последнее время парень старался сдерживать себя, не раздражаясь по пустякам. Однако, сейчас его, по-видимому, что-то сильно задело... Но что?..

Анри вылетел из замка и, захлопнув за собой тяжелую, массивную дверь, почти пробежал несколько шагов, затем резко останавливаясь. Вокруг, устилая собою холм, раскинулась снежная белизна, чистая и прекрасная, спокойная и умиротворяюще-равнодушная.

Он глубоко вздохнул. Одеться, выскакивая из замка он не успел, и теперь холод постепенно пробирался под его легкую домашнюю рубашку, хватал за запястья и лодыжки, заставляя произвольно успокаиваться.

Парень наклонился и, зачерпнув ладонью снег, протер им разгоряченное лицо, ненадолго прикрывая глаза. Да... так хорошо. Спокойнее, еще спокойнее... вот, он уже совсем-совсем...

– Маленький наследник большого замка, – внезапно коснувшийся его слуха чей-то незнакомый, насмешливый голос, заставил парня распахнуть глаза и, ничего не понимая, завертеть головой, озираясь.

Он был уже не на холме, не перед входными дверями своего родового поместья. Он был... но где?

Анри нахмурился, пытаясь сообразить, как и куда его занесло. Вокруг было темно, немного прохладно – не так холодно, как на улице, но все-таки неуютно, – и, пожалуй, сыровато. Под ногами был камень. Незнакомый голос, что обратился к нему, разнесся эхом под невидимыми сводами... Хм.

Парень стиснул зубы и, щелкнув пальцами, раскрыл ладонь. На ней, освещая небольшой участок окружающего пространства, вдруг загорелся маленький огонек, похожий на пламя костра – трюк, которому он научился лет в двенадцать и которым до сих пор умело пользовался.

Свет пламени выхватил из тьмы темные каменные стены, каменный пол... чьи-то скованные ноги, руки, железный ошейник на чьей-то шее и, наконец, – насмешливые желтые глаза под огненно-рыжей шевелюрой.

Анри замер. Бывать здесь ему прежде не доводилось, встречаться с этим человеком – тем более, однако, кто это, он догадался сразу.

– Рыжая тварь... – молодой человек выразительно сплюнул на пол у ног пленника, – Как я оказался здесь?! Ты же обессилен!

Рыжий ослепительно улыбнулся.

– Ну, не настолько же, чтобы не поймать маленького глупца на крючок его собственной ярости. Ты так зол, мальчик... мм... Анри, если я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, – Анри приподнял подбородок, глядя на собеседника свысока, – А ты – Чеслав. Рыжий оборотень, ненависть к которому я впитал с молоком матери, чертова тварь, которого не касается моя жизнь и моя ярость!

– Не касается? – Чеслав попытался немного приподнять подбородок сам, однако, ошейник не пустил его, – Отчего же... Анри, я ведь не пытаюсь задеть или обидеть тебя, нет-нет... Я лишь хочу почувствовать. Ведь они не правы, не правда ли? – желтые глаза немного сузились, – Они оскорбили тебя... Им наплевать на то, что ты уже не ребенок, они все еще видят в тебе малыша! Это так раздражает, – он сочувственно шевельнул головой, пытаясь покачать ею.

Анри, чья злость на родных еще до конца не угасла, гневно выдохнул. Слова оборотня пробуждали его ярость вновь, подпитывали ее, заставляя злиться все сильнее, заставляя вести себя опрометчиво и говорить то, чего говорить не хотелось.

– Они не хотят понимать... – он закусил губу, хмурясь и опуская взгляд, – Не хотят понять, что я могу принимать решения, что я взрослый!..

– Конечно, – оборотень сочувственно прищелкнул языком, – Бедный мальчик, а ведь ты сильно изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Это было мельком... но я запомнил. Знаешь, а ведь Анхель рассказывал мне о тебе, – он вновь широко улыбнулся, – Говорил, как ты стал храбр, умен и благороден. Обидно, что родные не хотят этого замечать... – он тяжело вздохнул и внезапно оживился, – Но я могу рассказать тебе кое-что, поделиться знаниями! Наклонись ближе, мальчик.

Анри недоверчиво повернул голову вбок. Стать предателем, поддавшись на какую-то провокацию Чеслава ему совершенно не хотелось, прислушиваться к его советам он не соби-

рался, но, с другой стороны... выслушать то, что ему скажут, ведь совсем не значит следовать этим словам!

Парень легко взмахнул рукой, в которой удерживал пламя и маленький огонек, взлетев вверх, замер на несколько метров выше пола, рассеивая неверный свет вокруг. Молодой человек, всем видом излучая недоверчивость, шагнул ближе к своему собеседнику и немного склонился.

– Ну... – начал, было, он, но закончить не успел.

Оборотень, обессиленный, скованный, внезапно подался вперед и, ухватившись руками за ворот рубашки собеседника, дернул его к себе, приближая свое лицо к его и легко дую на него.

Анри дернулся, ощущая, как дыхание рыжего мерзавца окутывает его, словно зыбким туманом и, не понимая, что происходит, резко сбросил его руки, отскакивая на шаг.

– Что... – дыхание перехватывало от ненависти, – Что ты... сделал, ублюдок?!

Чеслав криво ухмыльнулся. Играть с глупым мальчишкой ему нравилось.

– Ничего особенного, малыш, совсем ничего особенного... Я решил укрепить нашу с тобой дружбу. Отныне все, что ты увидишь и услышишь, будет доступно и мне, – желтые глаза насмешливо сузились, – Все, Анри! Каждое слово, каждый взгляд – все это буду знать и я!

– Тварь! – Анри, ощущая, как бешенство буквально затапливает его, метнулся вперед и, не раздумывая, изо всех сил ударил оборотня слева в челюсть.

Голова Чеслава мотнулась; на губах появилась широкая улыбка; с губ сорвался смех. Хохоча, веселясь от души, он медленно вернул голову в надлежащее положение и, глядя на парня из-под упавшей на глаза челки, выразительно слизнул выступившую на разбитой губе каплю крови.

– Бьешь пленника? Скованного, беспомощного, не могущего ответить человека... – улыбка его стала шире, – Что ж, поступок достойный сына благородного графа. Или в тебе вдруг разыгрались гены деда-разбойника?

Тяжелый кулак молодого человека врезался ему в челюсть теперь справа, заставляя голову мотнуться в другую сторону. Чеслав хохотнул и сплюнул кровь.

Анри, ухватившись за цепь, идущую от ошейника вниз, к кандалам на руках, немного потянул за нее, вынуждая оборотня податься вперед. Серые глаза его сверкали яростью; лицо перекошилось от гнева, и Чеслав, видя такую вспыльчивость, испытывал откровенное удовлетворение удавшейся провокацией.

– Мой дед – благородный человек, дворянин, – отчеканил парень, глядя прямо в желтые глаза напротив, – А ты – бродяга, всегда был им и всегда останешься! Все понял, выродок?

Собеседник его хмыкнул, позволяя себе расслабленно повиснуть в руке наследника рода.

– Ты жесток, – промурлыкал он, насмешливо созерцая его, – Удивительно жесток для сына графа Эрика...

– Я не жесток, – раздраженно бросил Анри, – Я...

– Справедлив! – оборотень, произнеся это слово вместе с ним, вместо него, криво ухмыльнулся, – Анхель тоже говорил так когда-то, убивая детей.

Анри раздраженно встряхнул его за цепь. Такие намеки были ему, мягко говоря, неприятны.

– Не смей равнять мои действия с!..

– Анхель не говорил мне о твоей вспыльчивости... – задумчиво протянул Чеслав, не давая ему закончить, – Но мне это нравится, парень, очень нравится! Такой характер я ценю в своих союзниках.

– «Своих союзниках»?! – Анри скривился, отшвыривая пленника от себя, – Никогда! Слышишь, оборотень, никогда я не стану твоим союзником! И, должен заметить... – он внезапно прищурился, – Мне Ан тоже не говорил, что ты настолько подл.

На сей раз удар достиг цели. Чеслав дернулся, как от еще одной встречи с кулаком молодого наследника; лицо его потемнело, желтые глаза на нем засверкали, как два топаза.

– Ты назвал его Ан? – голос рыжего звучал очень ровно, очень спокойно, однако, собеседник его успел заметить скрытые нотки напряжения в нем, и безмятежно улыбнулся.

– Ах, да... Бедняжка. Ты, должно быть, думал, что так называть его имеешь право только ты? – Анри криво ухмыльнулся, – Надо же, какое разочарование – вдруг оказаться не единственным в мире! Да, Чеслав, я называю его Аном, и знаешь, почему, знаешь, рыжий придурок? – молодой человек присел перед пленником на корточки, немного склоняя голову набок, – Потому что это я спас его, когда он едва не умер от твоих экспериментов. Это я вернул его к жизни, и вернул ему человеческий облик, и я был рядом с ним все эти годы! А ты – червь, сидящий в подвале, – он поморщился и вновь выразительно сплюнул под ноги собеседнику, – Здесь и оставайся. Я уйду.

Чеслав, которого произносимые слова били сильнее хлыста, но который, тем не менее, не подавал виду, как ему больно слышать их, холодно улыбнулся.

– Иди. И помни, что я сказал тебе, малыш – все, что ты увидишь и услышишь, буду знать и я. Встретимся... на развалинах замка.

Анри упал на колени в снег и, не в силах сдержать гнев и отчаяние, ударил по нему кулаком. Дурак, какой же он дурак! Так сплутить, позволить провести себя, позволить сделать из себя шпиона, предателя! Теперь он не сможет оправдаться – он предатель, предатель против воли, но это не отменяет самого факта...

Слезы жгли глаза, и молодой человек, злясь из-за этого еще больше, вновь набрал полную горсть снега, прижимая его к пылающему лицу.

Что делать, что делать?! Как сказать родным о том, что произошло, как вести себя?? Они и без того сердиты на него из-за дружбы с Анхелем, а теперь еще и Чеслав!

Как это он сказал? «Поймать маленького глупца на крючок его ярости»... Вот уж точно – маленький глупец, идиот, мальчишка! А еще называет себя взрослым! Да ему только сидеть с младшим братом в машинки играть, а не в такие серьезные дела ввязываться!

Проклятие... Парень сел на снегу по-турецки и закрыл лицо руками. Как вести себя, он не знал – хотелось одновременно вернуться в замок, и убежать от него как можно дальше, хотелось прострелить себе висок, чтобы не позволить мерзкому оборотню подглядывать за его родными, не позволить ему причинить им вред.

– Анри? – знакомый голос заставил молодого человека содрогнуться всем телом и, медленно опустив руки, неуверенно повернуться.

– Папа... Я думал, ты поехал в банк?

Молодой светловолосый мужчина, по виду совсем немногим старше собственного сына, хмурясь, остановился рядом с последним, глядя на него сверху вниз.

– Я вернулся. И увидел тебя, здесь, на снегу... что произошло? В чем дело?

– Ни в чем, – Анри, верный своей привычке держать марку, не сознавая ни в чем до последнего, передернул плечами и, опустив взгляд на снег, внезапно, неожиданно даже для самого себя, выдохнул, – Я предатель!

Отец его непонимающе моргнул. С утра, когда он уезжал по делам в банк, все было в порядке, никаких подобных мыслей в голове сына не водилось, и что изменилось за несколько часов его отсутствия, сообразить было мудрено.

– Что за глупости? – он нахмурился, присаживаясь рядом с сыном на корточки и касаясь ладонью его плеча, – Сын, что с тобой? Откуда такие мысли, почему...

– Потому что это правда! – молодой наследник, не в силах сдерживать себя, рывком повернулся, взирая на родителя в упор, – Потому что я пятнадцать лет лгал всем, потому что

я дружу с Анхелем, а теперь Чеслав... – он не сумел договорить, неожиданно сбиваясь на тяжелый стон и, согнувшись пополам, обхватил руками разрывающуюся от боли голову.

Проклятый оборотень, судя по всему, внимательно следил за поведением «союзника», контролируя его и не позволяя болтать лишнего.

Его отец, граф де Нормонд, видя, что с сыном творится что-то неладное, взволнованно сжал его плечи.

– Анри... – он чуть качнул головой, торопливо прикидывая различные варианты поведения и, наконец, останавливаясь на одном, – Поднимайся. Вернемся в Нормонд, и поговорим там. Пока что я ничего не понимаю.

Юноша упрямо мотнул головой – возвращаться в замок ему не хотелось.

– Мне... мне нельзя... – простонал он, с трудом преодолевая дикую боль, едва ли не теряя сознание от нее. Отец его, будучи человеком решительным и прекрасно знающим характер первенца, нахмурился, поднимаясь с корточек и, подхватив сына подмышки, уверенно поставил на ноги и его.

– Пока я хозяин этого замка, тебе никто не посмеет мешать находиться в нем, – твердо произнес он и, стиснув плечи парня, немного толкнул его к входным дверям, – Пошли!

...В Нормонде возвращение его хозяина, сжимающего плечи держащегося за голову сына, произвело настоящий фурор. Мать последнего, сидящая в числе прочих за большим столом гостиной, внимательно и мрачно слушающая сообщаемые Альбертом и Винсентом, собравшими военный совет, известия, завидев парня, взволнованно вскочила на ноги, бросаясь к нему. Сейчас, в эти секунды, она совершенно не думала о том, что он натворил, не задумывалась о его вине, сейчас она просто видела, как ему плохо и безмерно волновалась за него.

– Что с ним? – Винс, глядя, как родители Анри усаживают его на первый попавшийся стул, чуть сдвинул брови.

Граф де Нормонд резко выпрямился, устремляя на него внимательный и где-то строгий взгляд.

– А об этом я хочу спросить у вас, друг мой, у вас всех, – говорил он спокойно, но в голосе его отчетливо прослеживались металлические нотки, – Почему я возвращаюсь домой и застаю своего сына сидящим перед замком на снегу в совершенном отчаянии? Почему он называет себя предателем и говорит, что не может вернуться в замок? Почему, в конце концов, он упоминает Чеслава и Анхеля, причем они здесь снова?!

– Сядь, Эрик, – Альберт, приходящийся хозяину замка дядей, глубоко вздохнул, приглашающе указывая на большое глубокое кресло во главе стола, – Сядь и выслушай... Твой сын пришел сегодня к Венсену с поразительными новостями о том, что Чеслав восстанавливает силы. На закономерный же вопрос, откуда он узнал это, он признался, что уже пятнадцать лет как общается с Анхелем Мактиере...

– Невозможно! – Эрик, прервав дядю, хлопнул ладонью по столу. В сознании его сына этот хлопок отдался далеким взрывом, и молодой человек зажал уши.

– Пятнадцать лет назад ты, дядя и ты, Людовик, – здесь он глянул на молчаливо-серьезного молодого зеленоглазого человека, сидящего с правой стороны стола, – Обратили Анхеля в паука навечно. Луи при этом едва не погиб, и чтобы спасти его пришлось пойти на довольно рискованные меры... Как ты можешь говорить мне сейчас, что Анри общается с ворасом на протяжении пятнадцати лет?

– Это говорю не я, – великий маг, уже успевший обуздать гнев, и ныне абсолютно хладнокровный, немного выпрямился, – В этом признался твой сын. Пятнадцать лет назад, Эрик, Анри Людовик де Нормонд, шестилетний мальчишка, сбежал из замка и, бродя по округе, наткнулся на поместье Мактиере. Там он нашел плошку с мертвым пауком в каком-то растворе, понял по запаху, что в последнем чего-то не достает и исправил ошибки неумелого алхимика. Благодаря гениальности этого маленького вундеркинда Анхель Франциск Мактиере, человек,

ворас, избавляясь от которого Людовик едва не погиб, вновь ожил и вернулся к своему прежнему состоянию – он способен принимать человеческий облик и, по-видимому, будучи признателен, уже пятнадцать лет как общается с твоим сыном.

Молодой мужчина, выслушавший все эти новости с приоткрытым ртом, медленно обернулся, взирая на сидящего чуть поодаль в объятиях взволнованной матери Анри.

– Это правда? – голос его поражал холодом, и парень, который только что сидел на снегу, невольно подумал, что разницы нет: замерзнуть он мог и в замке, и снаружи.

– Да, папа, – ответ его, тем не менее, прозвучал твердо: вины за эти свои действия молодой наследник по-прежнему не ощущал. Он выпрямился, аккуратно высвобождаясь из рук матери и, принимая решение одновременно со словами, немного прищурился.

– И, раз уж сегодня день скандалов, вот вам еще одна причина ругать меня, – парень гордо поднял подбородок, – Мне двадцать один год, но двадцать два мне исполнится не раньше, чем в следующем столетии. Да! – заметив пораженное понимание на лицах родных, он вскочил на ноги, вызывающе глядя на них, – Я сделал то самое зелье, что делал дядя Луи для отца и мамы, и выпил его! Потому что я взрослый человек, я маг, и я имею право...

– Замолчи, Анри! – тяжелый кулак мастера Альберта с грохотом опустился на столешницу, и внук его, как-то быстро стушевываясь, поспешил присесть обратно, – Ты стал слишком многое себе позволять, мальчик, и теперь я понимаю, *чье* это влияние! Выпитое тобой зелье – меньший из твоих проступков, ты должен сознавать это! Вместо того, чтобы дерзить, тебе бы следовало извиниться, но ты даже не пытаешься сделать этого!

– Дядя прав, – Людовик, не единожды упомянутый, но пока что не подававший голоса, облокотился о столешницу, хмурия красиво очерченные брови, – Анри, я в тот раз едва не погиб, избавляя мир от Анхеля. А теперь оказывается, что умер бы я напрасно, потому что ты в любом случае вернул бы его к жизни?

– Ты ведь не умер, – Анри опустил голову, глядя теперь на собеседников исключительно исподлобья, – Я не могу извиняться, потому что не вижу в этом своей вины, дедушка. Ан – не враг нам, за пятнадцать лет он ничего не сделал, чтобы нам навредить, вы не можете этого отрицать! Более того – сейчас он рассказал мне, что Чеслав... – в голове словно взорвалась граната. Парень вскрикнул и, хватаясь за виски, согнулся пополам, практически утыкаясь лбом в колени, силясь побороть дикую боль, силясь и терпя раз за разом фиаско.

Родственники его, мгновенно забывая про недовольство действиями молодого человека, повскакали с мест.

Альберт и Людовик, будучи сами довольно сильными магами, поспешили на помощь внуку и племяннику, пытаясь понять, пытаясь сообразить, что происходит с ним...

Великий маг, осторожно обхватив внука поперек туловища, помог ему распрямиться; Луи попытался заглянуть в подернутые дымкой боли серые глаза.

– Что, черт возьми, с тобой творится, парень... – молодой маг покачал головой и, подняв руку, осторожно коснулся поначалу лба, а затем поочередной каждой щеки племянника, – Ты весь горишь!

– На снегу насиделся? – еще один участник собрания, виконт Роман, который, вопреки собственной привычке болтать, сейчас долго хранил молчание, повернулся на стуле вполоборота, тяжело вздыхая, – Ах, дети! Быстро его в постель, градусник в зубы и замотать с головой в одеяло! А рядом гору лекарств, чтобы быстренько поправлялся.

Альберт, сжав губы, медленно покачал головой. На обычную простуду происходящее с его внуком похоже не было.

– С ним что-то не то... – великий маг нахмурился, осторожно прижимая внука к себе, – Анри... Анри, что происходит? Выходя из комнаты, ты не был таким...

Парень замотал головой, отчаянно силясь унять боль, силясь заставить себя выдать хоть слово, дабы объяснить родным и близким, что происходит с ним.

– Чес... лав... – ему удалось прошептать два тяжелых слога страшного имени, и новая вспышка боли, как удар хлыста, ослепила его. Молодой человек вскрикнул; из носа у него пошла кровь.

Мать его, взволнованная, перепуганная больше прочих, хватаящая сына за руки, испуганно сжала одну из них.

– Господи! Анри, мальчик мой...

– Успокойся, Татьяна! – мастер, девушке приходящийся родным отцом, сдвинул брови, – Сейчас не время для этого! Чеслав, он сказал Чеслав... но как, как?.. – он закусил губу, оглядывая замерших, испуганных родственников и, внезапно остановив взгляд на одном из них, кивнул ему, – Венсен... подойди. Думаю, здесь будет целесообразна твоя помощь.

Винсент, схватывающий все налету, понимающий то, что подразумевал потомок, почти моментально, изумленно вскинул брови, поднимаясь на ноги.

– Неужели ты думаешь... – он не закончил и, в два шага оказавшись рядом с Анри, аккуратно отгеснил взволнованную, перепуганную до полусмерти Татьяну, мягко касаясь пальцами висков юноши.

Анри содрогнулся, распахивая глаза и почти с ужасом смотря в карие очи напротив. Мужчина мягко улыбнулся.

– Расслабься, мальчик, расслабься... – голос его убаюкивал, звучал расслабляюще-спокойно, и напряжение постепенно начало уходить из глаз и из лица юноши, – Спокойнее, спокойнее... вот так, молодец. Теперь закрой глаза и позволь мне взглянуть, что сделал с тобой этот мерзавец.

Молодой наследник глубоко вздохнул и покорно закрыл глаза. О способностях этого человека он был осведомлен не хуже, чем кто бы то ни было другой, однако на себе пока их не испытывал, и сейчас толком не знал, что будет происходить. Однако, доверие к Винсенту в душе его было сильно – в том, что дядя матери не причинит ему вреда, парень был уверен.

– Так... так... – мужчина, чуть хмурясь, сам прикрыл глаза, медленно, неспешно пробираясь по сознанию сына графа, изучая его, и мрачней с каждым мигом все больше, – Плохо... очень плохо... черт бы его побрал! – он скрипнул зубами и чуть надавил на виски молодого человека. Дыхание того участилось – в голове вновь заворочалась разбуженная боль.

– Тихе, тихе... – казалось, Винсент успокаивает самого себя, – Мы справимся с этим, малыш, все будет хорошо... Вот так... вот так... да! – он еще раз легонько надавил на виски парня и, резким движением убрав руки, облегченно улыбнулся.

Анри, медленно переводя дыхание, поднял на мужчину растерянный, виноватый взгляд и неожиданно шмыгнул носом.

– Спасибо, дядя Винс... – голос его зазвучал тихо, как-то убито: от былой злости не осталось и следа и, похоже, парень наконец начал сознавать свою вину, – Прости меня. Ты... ты сейчас видел?..

– Видел, – Винс резко кивнул и, вернувшись на свое место, глубоко вздохнул, – Я видел, мальчик, видел все, что с тобой случилось... Что ж, друзья мои, – на губах мужчины возникла мрачная улыбка, – Могу официально сообщить вам, что период спокойствия завершен. К Чеславу возвращаются силы, и возвращаются стремительно – он сумел подцепить Анри за крючок его ярости и перенести его к себе, в подземелье; сумел навести на него чары, с которыми даже мне не под силу справиться окончательно... – он устремил взгляд на великого мага и весомо проговорил, – Магия дыхания.

Альберт вздрогнул; глаза его расширились – такого великий маг услышать не ожидал.

– Магия дыхания?.. – он покачал головой, переводя сочувствующий взгляд на внука, теперь находящегося в объятиях матери, – Но как ему... о, дьявол. Венсен... разве хранителю памяти подвластно это колдовство?

Мужчина отрицательно покачал головой. Он сделал все, что смог, но окончательно избавить молодого наследника от влияния проклятого оборотня не сумел, и сейчас должен был объяснить это.

– Нет, – голос его звучал тихо и мрачно, – Нет, потомок, мне не подвластно это колдовство. Каждый вздох Анри возвращает в его сознание власть Чеслава, и избавиться от этого очень тяжело. Я сделал, что мог – ненадолго блокировал эту мерзость, но так мы выиграем не более получаса. Анри... – заметив страх в обращенном к нему взгляде молодого человека, Винсент ободряюще и, одновременно, сочувственно улыбнулся, – Тебе придется избегать общих собраний, пока мы не пойдем, как избавиться от этого «жучка» в твоей голове. И... поменьше говори о нем и о его делах. Если ему что-то не понравится... – мужчина тяжело вздохнул, решительно продолжая, – Если ему что-то не понравится, он способен лишить твой мозг кислорода. А это, мальчик мой, верная смерть даже не взирая на твою продленную жизнь.

Роман тяжело вздохнул и, вытянув руки, лег грудью на стол. На душе у него было муторно – племянника парень любил и переживал за него совершенно искренне. Впрочем, для такого его состояния была и еще одна причина.

– И снова виноват я, – парень обреченно закрыл глаза, – Может, сразу меня расстрелять, чтобы я уже не мучился? Я же ходил к нему, постоянно виделся с ним, но... проморгал.

– Это не твоя вина, Роман, – Альберт нахмурился, сцепляя руки в замок и кладя их перед собою на стол, – Винить скорее следует меня. Не взирая ни на что, не взирая на то, что колдовать ты немного способен, в первую очередь ты – интантер, мальчик мой. Почувствовать возвращающуюся силу мага может только маг, это я, я должен был следить за Чеславом! – он скрипнул зубами, сжимая руки сильнее, – Но я этого не сделал. Не подумал, что ему достанет хитрости и коварства восстановить силы, да еще так быстро, не подозревал, что он может оказаться способен!..

– Довольно! – Людовик, решительно вмешиваясь в беседу дяди и брата, пару раз стиснул вытасканный из кармана эспандер – игрушку, которая всегда помогала ему думать, – и с хлопком положил его на стол, – Хватит уже заниматься самобичеванием! Кто бы ни был виноват – мы имеем то, что имеем и вопрос теперь один... как помочь Анри?

В гостиной воцарилось молчание. Собравшиеся за столом люди переглядывались, обмениваясь безмолвными соображениями, не зная, что сказать и что решить.

– Неужели все так серьезно? – черноволосый лохматый мужчина, кажущийся обеспокоенным едва ли не больше прочих, перевел взгляд с Альберта на Эрика и покачал головой, – Неужели Чесу могло достать сил, чтобы совершить такое... Винсент, – взгляд его скользнул дальше, к хранителю памяти, – Винсент, ты же умеешь работать с сознанием! Почему ты не можешь вытурить Чеслава из разума Анри??

Мужчина тяжело вздохнул, подпирая щеку кулаком. Давать долгие и пространные объяснения ему не хотелось – не то было время, чтобы читать лекции, – однако, выбора ему не оставляли.

– Я умею работать с памятью, Ричард, – он немного сдвинул брови, – С сознанием... опосредованно. Но и это не может помочь, потому что эта магия намного древнее и глубже, чем мои умения. Магия дыхания или Вздох Дьявола – один маг на несколько долгих мгновений окутывает своим дыханием другого, вынуждая его вдохнуть... и тем самым проникает в его мозг. На физическом уровне, Лэрд, а не на ментальном. Теперь каждая капля кислорода, поступающая в легкие, поступающая в кровь Анри, контролируется Чеславом, и он в любую секунду может перекрыть ему доступ к воздуху! Учитель когда-то рассказывал мне об этом, отзывался с отвращением об этом виде магии – убийство всегда претило ему, поэтому сам он этим не пользовался. Но как побороть ее знал... – мужчина тяжело вздохнул, – Я не помню,

говорил ли он об этом мне. Рассказывал ли способ справиться с этим чертовым Вздохом, учил ли меня такому... Я был нерадивым учеником, – Винсент помрачнел, – И вот когда мне это аукнулось.

Великий маг, внимательно выслушавший своего предка, покачал головой.

– Только не говори об этом Анри, – вежливо попросил он, – Не хотелось бы запугивать парня еще больше, он итак, по-моему, слово боится сказать. Чеслав преподавал ему жестокий урок...

– И поплатится за это! – Ричард Лэрд, с размаху стукнув кулаком по столу, раздраженно выдохнул, – Я не позволю, ни за что не позволю ему мучить Анри, это... это... Черт бы его побрал! – он запустил руку в лохматые волосы и взгляд его исполнился беспокойства, – Как он сейчас?..

Почему-то сразу становилось ясно, что спрашивает мужчина не про Чеслава. Эрик, который на протяжении всего разговора предпочитал отмалчиваться, скупно улыбнулся и чуть дернул плечом.

– Он в своей комнате, отдыхает... я надеюсь. Татьяна пошла к нему. Хочется думать, что Анри не будет с ней излишне груб – мне бы этого не хотелось.

...Анри сидел на своей кровати, подобрав под себя ноги и бездумно смотрел в окно, когда дверь тихонько отворилась, пропуская девушку.

Он услышал ее, почувствовал ее приближение, однако, поворачиваться не стал, не желая сейчас взирать на мать.

Последняя присела рядом с сыном на кровать и ласково провела ладонью по его волосам.

– Как ты? – голос ее звучал негромко, мягко, и молодой человек, сдаваясь этой нежности, ненадолго прикрыл глаза, подставляясь под материнскую руку.

– Знаешь, мама... – отвечал парень тоже тихо, совсем не желая обижать ее, – Лучше бы ко мне относились как к предателю, чем как к тяжелобольному.

– Я не считаю тебя предателем, – Татьяна чуть нахмурилась и, убрав со лба сына несколько прядей волос, опустила руку, – Я знаю, что ты вырос очень вспыльчивым, Анри, и подозреваю, что это в тебе от Чарли... не зря же он заслужил прозвище Бешенный, он всегда вспыльчив, как фитиль, стоит поднести спичку. Ты знаешь его с детства, ты похож на него вспыльчивостью... Но сердце у тебя доброе и мне это известно. Когда ты был ребенком, ты сочувствовал всем и каждому, даже тем, кого боялся, поэтому меня не удивляет, что ты решил помочь неизвестному... даже не человеку, пауку! Думаю, ты сам испугался, когда он вдруг принял человеческий облик?

Анри не стал спорить. Это воспоминание из детства, миг спасения Анхеля, отпечатался в его памяти, наверное, навсегда, навеки, и забыть его он не мог.

Он кивнул и, подавшись вперед, уткнулся лбом в плечо собеседницы.

– Правда, мама... Я тогда напугался, а он был удивлен тем, что вместо Чеслава видит мальчишку. Но, клянусь, он не пытался причинить мне вред! Он помог мне добраться до замка, он постоянно поддерживал меня, заботился обо мне ничуть не меньше, чем вы все! Мама, – парень поднял голову, взирая на девушку снизу вверх, – Мама, он мой друг! Правда, друг, он не пытается манипулировать мной или что-то в этом роде, не пытается освободить Чеслава – он просто дружит со мной, вот и все!

– Я понимаю, – Татьяна вновь ласково провела ладонью по сыновним волосам, – Понимаю, Анри, правда, понимаю. Ты подружился с ним, ты видишь его хорошую сторону... жаль, что мы знаем его другим. Знаем, что он совершал, на что был способен когда-то и на что может быть способен сейчас. Я не пытаюсь заставить тебя отвернуться от него, сын! – заметив в глазах парня протест, она поспешила объясниться, – Я просто хочу, чтобы ты понял нас. То, что ты обманывал нас пятнадцать лет, то, что ты лгал столько времени... это больно сознавать. Но сейчас, в свете того, что с тобой произошло...

– Не надо! – молодой человек высвободился из рук девушки и, соскочив с кровати, прошелся по комнате, – Ты говоришь так, будто я смертельно болен, но это не болезнь, мама! Это просто происки злобной твари, что сидит в цепях у нас в подземелье, и я уверен, что есть способ это исправить! Если Чеслав...

– Тише! – девушка, сама поднявшись на ноги, нахмурилась, грозя сыну пальцем, – Не вздумай ничего говорить о нем, Анри, ни к чему это. Я не хочу вновь видеть, как он убивает тебя, когда я ничего не могу сделать.

Парень поник и, опустив голову, понуро вздохнул, виновато кивая. С мамой он ссорился реже всего, должно быть, потому, что ее любовь ощущал сильнее и острее, нежели привязанность прочих родственников.

– Прости. Мне... на самом деле, очень плохо, когда я думаю, что вот сейчас, в эту минуту, он слышит, что я говорю. Очень мерзко сознавать это, отвратительно на душе – он сделал из меня предателя против моей воли! Как мне быть теперь?... – он поднял взгляд, с надеждой взирая на собеседницу. Сейчас, в эти секунды, он вдруг вновь почувствовал себя маленьким мальчиком, убежденным, что мама может решить все проблемы и безмерно захотел спрятаться за нее, как делал в шесть лет.

Увы, сейчас бы это уже не помогло.

– Я не знаю, – Татьяна, помолчав немного, на секунду сжала губы, – Не знаю, Анри, но уверена, что твой дедушка обязательно что-нибудь придумает. В конечном итоге... – она слабо усмехнулась, – Не зря же его называют великим мастером Альбертом. Займись пока чем-нибудь отвлеченным, не думай об этом. У тебя есть какие-то задания в институте?

– Да... – Анри почесал в затылке, и в самом деле отвлекаясь от пасмурных размышлений, – Тригонометрия, я там никак не мог решить... Сейчас займусь. Мама! – заметив, что мать уже направилась к двери, молодой человек поспешил ее окликнуть, – Я... говорил с Аном. После того, как... после всего, в общем.

Татьяна остановилась, не поворачиваясь и внимательно слушая. Как реагировать, она пока не знала.

– Рассказал ему, что сделал Чеслав и, знаешь... оборотень не пытался мне помешать, – он на секунду примолк и твердо продолжил, – Ан сказал, что никогда и ни за что не позволит ему убить меня.

Девушка медленно обернулась, пристально взирая на сына.

– Ты веришь ему?

Анри уверенно кивнул.

– Да. Он никогда не оставлял меня, не оставит и на сей раз. Может быть, что он уже говорит с Чеславом...

Анхель обратился на полушаге, возник из ниоткуда прямо на ходу, резко и быстро приближаясь к сидящему на каменном полу темницы по-прежнему скованному пленнику.

– Как ты смел? – голос его прозвучал низко, приглушенно: ворас был в ярости и с трудом сдерживал ее.

Чеслав медленно растянул губы в улыбке, взирая на него с зашкаливающей доброжелательностью.

– Здравствуй, Ан. Как удивительно видеть тебя второй раз за день, чем же я заслужил такую честь?

В голосе рыжего явственно чувствовался яд, и мужчина, ощущая, как гнев в душе разгорается, подпитываемый им, еще больше, стиснул кулаки.

– Не юродствуй! Ты знаешь, почему я пришел, Чес, знаешь прекрасно... ты ведь слышал все, что говорил мне Анри!

– Слышал, – рыжий ухмыльнулся, – И, признаться, был изрядно позабавлен выражениями, какие позволил себе маленький наследник. Даже я не разрешаю себе так говорить, хотя во мне и нет благородной крови.

Анхель нахмурился. Попытка старого друга ускользнуть от объяснений не могла укрыться от него – в конце концов, он знал его всю жизнь, и изучил не хуже, чем самого себя, – и вызывала в душе откровенное раздражение.

– Как ты посмел сделать этого мальчика разменной монетой в своих играх? – он скрипнул зубами, немного надвигаясь на пленника, – Как тебе пришло в голову использовать *ту* магию на нем?!

Чеслав немного откинулся назад, с удобством устраиваясь на твердом полу и широко улыбнулся. Лицо его обрело выражение насмешливой безмятежности.

– А почему нет, Ан? В конце концов, маленький наследник – всего лишь мальчишка, потомок двух, а то и трех проклятых родов. Он обречен от рождения, и мое проклятие...

– Ты затащил его сюда! – ворас сжал кулаки, борясь с желанием как следует встряхнуть собеседника, – Обманул, заставил подойти! Солгал! Сделал из него предателя против воли, ты медленно убиваешь его! Не называй это следствием проклятия, Чес – это твои новые игры! Игры, которые мне не нравятся.

– Правда? – оборотень удивленно приподнял брови, – Отчего же? Моя память подсказывает мне немало похожих случаев, Ан... Помнишь, как в шестом веке ты убивал детей? Маленьких потомков Мактиере и ла Бошеров, ты не щадил их, не щадил никого! Я не одобрял этого, – желтые глаза чуть сверкнули, – Я называл тебя жестоким, безжалостным, а ты говорил, что это справедливость, а не жестокость. Повторял из раза в раз, и я смирился. Привык... стал таким же жестоким, как и ты, – пленник немного прищурился, – Я жил ради тебя, Ан, всю свою жизнь, я делал все, чтобы отомстить за тебя, я отдал всего себя на исполнение твоих целей! Ради тебя, ради нашей дружбы, брат, я готов был на все. И что же теперь? – он попытался склонить голову набок, но потерпел фиаско и негромко зашипел сквозь стиснутые зубы. Анхель, внимательно слушающий его, внезапно понял, что названный брат зол.

– Теперь, когда я в плену, а ты на свободе! Что делаешь ты, Ан? Ты заводишь дружбу с мальчишкой, с врагом, ты забываешь обо мне и бросаешь меня гнить в подземелье на пятнадцать лет, даже не пытаешься помочь мне! – в желтых глазах свирепствовало уже не сдерживаемое пламя: Чеслав был по-настоящему зол, и то, на кого он злился, бесило его еще сильнее.

– Чес, что... – ворас мотнул головой, пытаясь сообразить, как ответить.

Ведь его обвинения были справедливы. Ведь в них, несомненно, звучала рациональность, слышалась истина... Дьявол. Кто бы мог подумать, что он все так извратит!

– Ты хочешь объяснить, Анхель? – оборотень насмешливо прищурился, – Что же, давай, я слушаю. Почему, вместо того, чтобы помогать мне, ты целыми днями возишься с мальчишкой, с врагом, который вырос и ненавидит нас? Почему ты помогаешь недоноску, в чьих жилах течет проклятая кровь?! Ты, дитя своих врагов, ты, ненавидевший ла Бошеров и Мактиере больше полутора тысяч лет, ты, мой друг, мой брат, почему ты предаешь меня?!!

– Анри спас мне жизнь, – Ан нахмурился: защищать своего молодого друга он был готов до последней капли крови, но не ожидал, что защищать его придется от того, с кем его связывали долгие годы дружбы. Ситуация не нравилась ему, ссориться со старым другом не хотелось, но и давать в обиду молодого наследника рода де Нормонд мужчина не собирался. И тем более не мог позволить Чеславу убить его.

Оборотень скривился.

– А я? Сколько раз я спасал тебе жизнь, Ан? Должно быть, недостаточно, чтобы завоевать твое доверие, да? Видимо, я сделал слишком мало, не смог убедить тебя в собственной преданности, маркиз! Потому что ты навсегда останешься дворянином, а я – не более, чем бродяга, подобранный тобой из жалости!

– Что ты несешь! – Анхель, в конце концов не выдержавший, шагнул к собеседнику и, схватив его за плечи, резко встряхнул, – Я никогда не считал тебя бродягой, я всегда видел в тебе равного себе! Очнись, Чес, что за бред ты тут городишь?!

– Я?! – Чеслав рванулся, силясь высвободиться из рук старого друга, – Что *ты* городишь, Анхель, о чем *ты* говоришь мне?! Ты заявляешь, что молодой наследник спас тебе жизнь, но это я, я поместил тебя в ту плошку, я начал...

– А он закончил, – голос Анхеля прозвучал треском молнии, расколовшей камень; глаза его похолодели, – Ты мог убить меня в этот раз, Чес. Ты не знал того, что должен был знать, ты совершил ошибку, и я мог никогда не очнуться! Больше никогда, понимаешь? Я бы умер от твоей руки... брат. Но пришел Анри и спас меня, вернул мне жизнь и человеческий облик. Он спас меня, имей же хоть каплю благодарности!

Оборотень криво улыбнулся. В глазах его появилось что-то неприятное.

– Вот как ты заговорил... скажи, Анхель, а ты не хочешь вновь устроиться мажордомом к де Нормондам? Ведь там твое место, ты, я смотрю, предан этой семейке, защищаешь их выродка...

Границы были перейдены. Ворас, ощущая, как гнев затмевает ему рассудок, не в силах отвечать, вскинул руку с сжатым кулаком, будто намереваясь ударить старого друга, названного брата...

Чеслав подался вперед, подставляясь под удар.

– Бей! – в голосе его зазвучала откровенная насмешка, – Давай же, брат, ударь меня! Ударь, потому что я не могу поверить в твое предательство, потому что я не хочу даже думать, что ты мог оставить меня! Ударь, ударь как можно сильнее, размозжи мне к чертовой матери голову, Анхель, потому что я не хочу сознавать, как бессмысленны были мои поступки и мои жертвы! Ну!

Анхель медленно опустил кулак и, тяжело вздохнув, присел перед названным братом на корточки, мягко касаясь его скованных рук своей.

– Чес... прошу. Я не хочу ссориться, не хочу ругаться с тобой, друг мой, брат мой, я не хочу, чтобы ты считал меня предателем. Я понимаю, что движет твоими словами и действиями. Но, поверь, Чеслав, твоя ревность беспочвенна! Анри – мой друг, это правда, я на многое готов пойти ради него. Но ты – мой брат. И эти узы крепче кровных, крепче любых других, я никогда не предаю тебя, Чес!

Оборотень прикрыл глаза, сам невольно остывая. Ссориться со старым другом, сидя в цепях, ему тоже не хотелось.

– Но тогда почему ты пришел просить за него, Ан? – он тяжело вздохнул и, распахнув глаза, грустно улыбнулся, – Почему готов был ударить меня, защищая его? Он моложе тебя на столько лет, он мальчишка, щенок, и ты так за него беспокоишься!.. Я могу понять, что у тебя есть друг, Анхель. Правда, могу понять это, я не пытаюсь ограничивать тебя в общении с другими. Я не могу понять только, почему в друзья себе ты избрал врага.

Ворас тяжело вздохнул и покачал головой. Начинать все сначала ему бы не хотелось.

– Я избрал себе в друзья потомка своих врагов, но не своего врага, – он мягко улыбнулся, – Хватит этих глупостей, Чес. Чем может быть виноват Анри, не имеющий понятия о вечной вражде, Анри, являющийся наследником Эрика де Нормонда? Он не имеет отношения к нашей вечной битве, он доказал свое благородство, спасая меня! Прошу тебя... просто прошу тебя, брат мой, не убивай этого мальчика. Он дорог мне, он согрел мое сердце, он стал мне настоящим, верным другом! Прошу, ради меня, поклянись, что не убьешь Анри.

Чеслав мимолетно поморщился. Сопротивляться просьбам друга он никогда не умел.

– Клянусь, – без особой охоты бросил он, – Мальчишка будет жить. Но Вздох Дьявола не имеет обратного хода, Ан, и все, что он видит и слышит, я буду знать. Он будет жить... но под моим присмотром. И посмотрим, так ли он на самом деле хорош, как тебе хочется верить.

Молодой человек медленно поднял голову и мрачно воззрелся на себя в зеркало. В голове у него гудело.

– Чарли... – противный зовущий голос откуда-то из подсознания заставил вздрогнуть и зажать уши руками. Он слышал его уже неделю как и, надо заметить, его это изрядно смущало – прежде галлюцинация сопровождала его не дольше одного-двух дней.

– Капитан Чарли! – зажатые уши не пропускали звук, но он шел изнутри, – Бешенный...

– Я врач! – он рывком опустил руки, со злостью взирая в глаза отражению, – Иди к двадцати проклятым осьминогам, каракатица белобрысая! – обзывать так собственное отражение было, конечно, немного странно, но Чарли был доведен до ручки.

Этот странный голос, непонятные видения преследовали его уже, наверное, с полгода как, и молодой человек небезосновательно полагал, что это есть последствия его бывшей жизни. Пиратской жизни в вымышленном мире мастера.

Он толкал его на какие-то противоправные деяния, пытался принудить вновь пойти против закона, пытался вернуть его к забытому прошлому!.. И с каждым днем Чарльз ощущал, что сопротивляться ему все сложнее. Каждый день голос убеждал его все больше и больше, что настоящая его жизнь, его судьба – вовсе не быть судовым врачом, изредка принимающим участие в боях, что ему на роду написано пиратствовать, губить чужие корабли и чужие жизни, что он должен послать к черту свою добропорядочность и вновь стать тем Бешеным, чье имя пугало моряков.

Здесь, на военном корвете, ходящем по волнам под флагом Великобритании, его тоже прозвали Бешеным – было несколько стычек, где судовой врач показал себя отменным воякой, чем заслужил большое расположение команды. Он с одной стороны гордился этим... а с другой жалел, что ему раз за разом напоминают о славном прошлом, о хождении под парусами и буйных приключениях, обращаясь по прозвищу.

– Бешенный! – вот и очередное напоминание стучится в дверь каюты. Чарли тяжело вздохнул и, опустив голову над раковиной, ополоснул лицо холодной водой.

Сегодня он с самого утра чувствовал себя не слишком хорошо, сегодня ему было не до того, чтобы лечить других... но долг по-прежнему звал и требовал исполнения.

– Чарли, черт возьми! – знакомый голос одного из матросов заставил его все-таки немного прийти в себя, – Капитан тебя зовет, не тормози!

– Иду, – сдерживая раздражение, бросил он и, еще раз ополоснув лицо водой, вновь глянул на себя в зеркало, тяжело вздыхая.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет! И он ни капли не изменился, спасибо стараниям отца. И благодаря им же вынужден часто менять корабли, чтобы не вызвать чьего-то подозрения своей нестареющей внешностью.

Акула сожри этих проклятых магов, сил с ними никаких уже нет! Это какое-то безумие, сумасшествие, почему они втянули его в эти свои делишки и сделали разменной монетой?

Он же был когда-то простым сухопутным доктором... А потом из него склепали пирата, заставили носиться по морям и, как только ему это понравилось – отняли вкусную конфетку, оставляя страдать от безнадежности и тщетности мироздания! Сказали, что он должен спасти мир, что он наследник величайшего из магов, должен победить рыжего шелудивого пса... и он сделал это!

Бешенный чуть приподнял уголок губ. Ладно хоть рыжий сейчас сидит в подвале замка и более не опасен. Хотя на жизнь его он влияние, безусловно, тоже оказал немаленькое – все-таки это же именно Чес был некогда его старшим помощником на фрегате. Ах, славное время...

Чарльз еще раз тяжело вздохнул и нахмурился. Внутренний голос звал, внутренний голос манил обещаниями быстрого обогащения, внутренний голос взывал к его пиратской сущности,

а отражение пакостно подмигивало из зеркала. Сопrotивляться становилось все сложнее, но, пока он уверен, что оборотень, пойманный его силами, находится взаперти, он сможет держать себя в руках. Ему будет ради чего сдерживаться, будет, ради чего стремиться улучшить себя самое.

Если же он выберется...

Парень мотнул головой. Ерунда! Чес под замком, скован, ему не выбраться! Да даже если и да... вряд ли он теперь придет за ним.

– Знаешь, а хорошо, что Чарли здесь нет, – Роман, который, пользуясь отсутствием сурового дяди Альберта, сидел на столе в гостиной, поставил на столешницу ногу и, облокотившись о колено, элегически вздохнул, – Он бы рыжего за Анри, должно быть, насквозь продырявил... и из револьвера и шпагой.

– А еще в белладонне бы искупал, – подхватил его младший брат, сидящий здесь же, за столом, закинув на него ноги, – И, между прочим, очень бы правильно сделал. Ты не думаешь наведаться в подвал?

Виконт изумленно вскинул брови – такого предложения он откровенно не ждал.

– Ты что, смерти моей хочешь? Луи, вспомни, что сказал Анри – Чес сумел даже обуздать силу Нейдра! Анхель может принять свой человеческий облик, заходя к нему в гости; песик набирает мощь! А вдруг я к нему зайду сыграть в шахматы, а он вместо фигуры съест меня?

Людовик искренне задумался над таким любопытным вариантом, стискивая в ладони неизменный эспандер – свою обожаемую игрушку, некогда созданную специально для него пресловутым дядей Альбертом, – и, упершись ботинком в столешницу, легонько качнулся на стуле.

– Думаешь, он настолько оголодал взаперти? Кстати, если так подумать, рыжику там не так-то уж и скучно... – парень в раздумье почесал эспандером висок, – В конце концов, к нему постоянно кто-то таскается – то ты, то Ан, вон даже Анри к себе затащил... Вообще, почему наш дядя не может лично навестить его и вправить ему мозги?

Роман тяжело вздохнул, пожимая плечами и немного ссутулился, демонстративно пригрюниваясь. По его мнению, надежды на Альберта быть просто не могло – к последнему виконт вообще относился без излишней симпатии.

– Луи, у тебя за пятнадцать лет память ослабла? – парень каверзно хихикнул, – Нет, все-таки не надо было отпускать Чарли в море, пока он тебя от склероза не вылечит... Так вот, я, будучи старшим, очень мудрым и владеющим безграничной памятью, напоминаю тебе, брат мой, о словах нашего великого дяди мастера, – он выдержал драматическую паузу, а затем легко отвел одну руку в сторону, – Альберт слабее Чеслава. И, если тот восстанавливает силу, подозреваю, что это уже вновь может оказаться правдой.

...Альберт вошел в комнату, и тотчас же едва не оказался сбит с ног бросившейся к нему маленькой девочкой лет четырех.

– Дедушка! – ее звонкий, счастливый голосок, заставил мужчину улыбнуться. Он склонился, легко подхватывая внучку на руки и, удерживая ее на одной руке, прошел дальше, туда, где его дочь сидела на кровати рядом с еще одним ребенком, на сей раз мальчиком.

– Что сегодня узнали нового, проказники? – великий маг аккуратно посадил девочку на кровать рядом с сияющим братом и взъерошил волосы последнего, – Ада, ты не сильно отвлекала Марка от учебы?

Мальчик, которого мама уже некоторое время как старательно учила читать, сморщил носик и мотнул головой.

– А я все равно не хочу учиться! – безапелляционно и довольно весело заявил он, – Хотя Ада меня и не отвлекает, лучше бы ее учили!

– А я умею читать! – девочка, дразнясь, показала брату язык, и тот сейчас же полез выяснять отношения.

Альберт, глядя на детскую возню, только покачал головой. Внуков своих мужчина любил безмерно, обожал их до полубезумия, начиная с выросшего весьма вредным Анри, и заканчивая маленькой Адой, однако, особенно баловать их себе не позволял. Порою, в минуты меланхолии, великий маг сетовал на свою мягкость в отношении старшего внука, и думал, что с младшими ему надлежит быть строже.

Это, впрочем, не мешало малышам обожать дедушку и каждый раз радоваться встрече с ним, пусть даже предыдущая состоялась лишь пять минут назад.

Мастер присел на кровать рядом с не слишком веселой дочерью и мягко коснулся ладонью ее плеча.

– Как Анри? – голос его звучал тихо и участливо, и Татьяна грустновато улыбнулась в ответ, тяжело вздыхая.

Ответить она, впрочем, не успела.

– Дедушка, а что, Анри заболел? – Марк, бывший на целый год старше сестры, остановил шутливую потасовку и серьезно взглянул на деда, – Он давно к нам не заходит, все один и один... А вы так о нем волнуетесь, он болен?

– А я еще видела, что он какой-то сердитый ходит, – добавила девочка и, поежившись, переглянулась с братом, – Как будто ругаться собирается...

Девушка негромко вздохнула и, понимая, что поговорить с отцом о серьезных вещах в присутствии детей не получится, покачала головой.

– Не выдумывай, Аделаин. С Анри все хорошо, он просто... – она помялась, – У него просто плохое настроение.

Младший брат многократно упоминаемого молодого человека важно кивнул. Он был уверен, что причины плохого настроения Анри знает.

– Он, наверное, с девушкой поругался! – заявил паренек, – Вот потому и ходит все понурый, грустный...

Татьяна закрыла и открыла глаза, затем тряхнула головой. Наличие у старшего сына подружки стало для нее неожиданной новостью.

– С какой девушкой?.. – она неуверенно покосилась на отца, – Мне казалось, с Аннет он расстался уже месяца два как...

Марк почесал в затылке, пытаясь подобрать более или менее верный ответ.

– Ну... значит, из-за нее и переживает, – в конечном итоге уверенно заявил он, – Но он точно расстроен чем-то, мама, это же очевидно! Раньше он к нам с Адой каждый день заходил... – паренек вздохнул: по старшему брату он скучал.

Татьяна, прекрасно знающая и понимающая причины поведения Анри, сжала губы. Нет, не плохое настроение толкало его на это, совсем нет... Парень просто опасался продемонстрировать врагу детей, не хотел, чтобы тот вздумал причинить им вред. И вряд ли ему это давалось легко.

О том, как Анри любит своих брата и сестру, девушка была прекрасно осведомлена, и очень хорошо понимала, что не видеться с ними ему сейчас тяжело – рядом с детьми парень всегда откровенно отдыхал от своих институтских, да и вообще «взрослых» дел. Но рисковать сейчас не мог себе позволить.

– Ты с ним говорила? – Альберт, внимательно выслушавший разговор дочери с ее детьми, чуть сдвинул брови, – Он...

– Он сказал, что Анхель не позволит Чеславу... – Татьяна быстро глянула на детей, понижая голос, – Не позволит ему сделать то, что тот задумал. Клялся, что Ан не причинит ему вреда, защитит его... Как бы мне хотелось, чтобы это было правдой, папа!

– Может, так оно и есть, – мастер медленно потянул носом воздух, – Я не доверяю Мактиере по вполне объективным причинам, и ты понимаешь это, Татьяна... Будь моя воля, я бы на пушечный выстрел не подпустил этого мерзавца к Анри!.. Но учитывая пятнадцать лет дружбы, связывающей их, я подозреваю, что от Анхеля может быть и польза... Да, к слову, – мужчина быстро улыбнулся, – Я зашел сказать, что приехал Виктор.

– Дядя Вик? – Ада восторженно захлопала в ладоши, – Дядя Вик приехал! Ура, ура!

– Ураа! – присоединился к ней брат, обрадованный ничуть не меньше.

Альберт, глядя на это ликование, только усмехнулся. О том, с какой силой самые младшие члены его семьи любят основателя этой самой семьи, самого Виктора Базиля де Нормонда, ухитрившегося не только не умереть в шестом веке, но и дожить до наших дней, ему было прекрасно известно и, честно сказать, удивления не вызывало. В конечном итоге, Вик своих потомков – всех, без исключения, – обожал до потери пульса, а уж от маленьких детей и вовсе приходил в неопикуемый восторг, что, конечно, не оставалось последними не замеченным.

Татьяна, видя, с каким рвением основатель рода балует своих маленьких потомков, неодобрительно качала головой, однако, ничего не говорила, жалея пережившего в свое время жуткую трагедию Виктора и позволяя ему маленькие вольности. Муж ее такого поведения супруги не одобрял, но, в целом, относился вполне лояльно.

– Надо принести Тио, она по дяде Вику тоже соскучилась, – скороговоркой затараторил Марк, уже явно собираясь бросаться куда-то и ловить упомянутое создание – кошку, уже давно и прочно поселившуюся в старом замке, – Да и он, я уверен, по ней скучал, он же ее любит!

– Вик?? – девушка, на чьей памяти основатель рода от кошки скорее шархался, полагая ее вселенским злом и носителем проклятия, даже приоткрыла рот, – Марк, если честно... я не совсем уверена, что это хорошая идея.

– Почему? – искренне изумился мальчик, – Нет, я знаю, да, дядя Вик вечно шархается от Тио, но, мама, она даже спит с ним, когда он гостит у нас!

Альберт негромко вздохнул, пряча улыбку. Ему было, что ответить на последнее заявление.

– Теперь понятно, почему он гостит у нас так редко, – как бы невзначай отметил он и неожиданно махнул рукой, – Ладно, Марк, иди, лови кошку. Только сделай одолжение – не приноси ее в гостиную сам, хорошо? Основатель нашего рода всегда искренне волнуется, когда видит, как она близка с детьми.

Анри сидел за столом в гостиной, мрачный, как грозовая туча и безмолвно созерцал столешницу под своими руками. Сидящий напротив него довольно молодой мужчина с каштановыми волосами и прозрачно-кариими глазами, удивительно похожий на хозяина замка, спокойно следил за ним, покачивая уткнутой острием в столешницу стилет.

В гостиной царил молчание. Молодому наследнику говорить не хотелось, да он и опасался – любое слово могло оказаться тем самым, провоцирующим Чеслава, могло оказаться последним для него. Конечно, Ан сказал, что рыжий поклялся его не убивать... но почему он должен верить клятвам оборотня?

– На что ты так разозлился, что он ухитрился подцепить тебя?

Внезапно нарушивший тишину голос мужчины заставил парня вздрогнуть и немного ссутулиться. Этого человека он уважал, к его словам прислушивался и игнорировать его вопросы не мог.

– На родню, – буркнул Анри и, тяжело вздохнув, провел ладонью по лицу, – Знаете, Виктор, я ведь уже не ребенок. Мои поступки, то, что я сделал... я вообще не знаю – вам рассказали о том, что произошло?

Виктор де Нормонд, основатель рода, известный также как дядя Вик, тонко улыбнулся, легко опуская подбородок. Сообщить о постигшей одного из потомков беде мужчине не то, что успели – он, собственно, и приехал сейчас исключительно по этой причине.

– Я спрашивал не об этом, Анри, – он взгляделся в потомка пристальнее. Парень всегда был любимчиком Виктора, хотя бы уже потому, что невероятно напоминал тому собственного, давно погибшего сына, однако, воспитанием его старый граф никогда не пренебрегал.

И, не взирая на то, что по внешнему виду казался едва ли старше отца молодого человека, всегда внушал тому не только уважение, но даже и почти благоговение – мысль о том, что беседует с человеком, положившим начало всему роду де Нормонд, приводила парня в восхищение.

Правда, сейчас восхищаться он настроен особенно не был. Подоплека слов предка была понятна, отвечать на них не хотелось, как и обсуждать свой несдержанный характер, поэтому юноша предпочел лишь безмолвно надуться и опустить голову еще ниже.

– Я хорошо знаю Чеслава, – спокойно продолжал Вик, не сводя с собеседника пронизывающего взора, – Знаю, на что он может быть способен. Поймать кого-то на злости и, зацепив этой злостью, как крючком, притянуть к себе – для него раз плюнуть. Но сейчас он ослаблен... – мужчина немного склонил голову набок, – Чтобы притянуть к себе просто разозленного человека, сил у него не хватит, нужен более сильный выброс энергии. Ты возненавидел свою семью в тот миг, Анри?

В голосе основателя рода зазвучало что-то такое, что молодой человек испуганно вскинул голову и даже немного отшатнулся. Ему вдруг почудилось, что стилет, который Виктор продолжал покачивать, уткнув в стол, сейчас полетит ему в голову.

– Я... – он внезапно охрип и, кашляя, попытался объясниться, – Виктор, я клянусь вам, я никогда! Ненавидеть свою семью – я даже мысли об этом бы не вынес! Нет, честно, я был просто очень зол, был в ярости... Почему они не хотят понять и принять моего решения общаться с Анхелем? Я взрослый человек, я могу сам выбирать себе друзей...

– Однако, – прервал его собеседник, едва заметно сужая глаза, – Начал общаться ты с господином Анхелем еще не будучи взрослым, Анри, разве не так?

– Так... – парень вновь поскуучел, опуская голову, – Ну... ну и что? Да, я был маленьким, глупым ребенком, я спас нашего врага, но за пятнадцать лет дружбы успел если не изменить его мнение, то хотя бы смягчить его ненависть! Честно, Виктор, Ан, по крайней мере, теперь может заступиться за меня перед Чеславом, а это уже...

В голове предупреждающе кольнуло, и Анри, осекшись на полуслове, раздраженно потер висок. Быть постоянно под контролем ему, мягко говоря, очень не нравилось.

– Он следит, чтобы я не сболтнул лишнего... – парень скрипнул зубами и на несколько секунд бессильно закрыл глаза, – Какой же я идиот! Если бы не разозлился тогда так, ничего бы не случилось... но и если бы они сразу приняли...

– Анри! – стилет с тихим звоном упал на столешницу; Вик нахмурился, – Прекрати винить всех вокруг! За свои поступки и свои промахи в ответе можешь быть только ты, как перед самим собой, так и перед всем остальным миром. А ты до сих пор, видимо, не можешь и не хочешь понять, какой проступок совершил?

Молодой наследник поморщился.

– Я совершил много проступков.

Основатель рода тихо вздохнул и, сжав на миг губы, покачал головой.

– Мне в твоих словах слышатся *его* речи, мальчик. На твоей совести проступков не так уж и много, не стоит казнить себя по не вполне понятным причинам. Главная твоя ошибка в том, что ты спас врага, поверил врагу! И сам оказался под ударом.

– Но Ан не причем здесь! – парень негодуя вскочил на ноги, – Что вы... вы все... прекратите же винить его во всех смертных грехах сразу! То, что он ворас, что он дружен с

Чеславом, и даже то, что он ненавидел потомков своего рода и рода ла Бошер больше тысячи лет, не значит, что он виноват кругом и всюду! Виктор, я же говорю вам – он заступился за меня перед Чеславом, он защитил меня! И теперь у меня есть надежда, что я не умру, – юноша неожиданно вновь поник, – Если, конечно, рыжая сволочь сдержит клятву, данную Анхелю.

– Время покажет, – не слишком оптимистично отозвался предок и, подняв стилет, вновь упер его острием в столешницу, легко покачивая.

Со стороны коридора, ведущего в хозяйские комнаты, послышался топот маленьких ног, и в гостиную, негодуя дергая хвостом, вбежала песочно-рыжая, очень красивая кошка.

Виктор напрягся, как-то непроизвольно стискивая стилет.

Следом за кошкой, немного запыхавшись от быстрого бега, вбежал пятилетний мальчуган и, резко затормозив, перевел взгляд с одного из присутствующих здесь людей на другого, будто выбирая, кого из них приветствовать первым.

Наконец, придя к какому-то выводу, он со всех ног бросился к мгновенно заулыбавшемуся и поднявшемуся Анри и, не будучи в силах дотянуться выше, обхватил его за ноги, крепко сжимая.

Молодой человек, негромко рассмеявшись, мягко высвободился из объятий младшего брата и, присев на корточки, нежно прижал его к себе.

– Соскучился?

– Еще как! – с жаром отозвался Марк, обнимая брата за шею, – Почему ты не заходил? Ты заболел?

– Нет... не совсем, – парень негромко вздохнул и, потрепав братишку по волосам, приподнял его над столом, демонстрируя второго из здесь присутствующих, – Смотри, кто приехал.

Мальчик, висящий в сильных братских руках и, по-видимому, получающий от этого удовольствие (ногами он, во всяком случае, болтал), улыбнулся и приветливо помахал рукой.

– Привет, дядя Вик. А правда, что дедушка говорит, будто ты так редко бываешь у нас из-за Тио?

Кошка, как раз чинно обходящая стол и добравшаяся до основателя рода, негромко, возмущенно мяукнула и, всем видом демонстрируя самую искреннюю приязнь к последнему, легко вспрыгнула ему на колени.

Виктор дернулся от неожиданности и, выронив стилет на стол, аккуратно взял кошку под передние лапы, ставя ее туда же.

– Не правда, – негромко отозвался он, сверля животное взглядом, – Я... к ней нормально отношусь.

Тиона, которой, в общем-то, с одной стороны, не разрешалось бродить по столу, а с другой – особенно никогда не возбранялось, тяжело вздохнула и направилась к своему излюбленному месту – графскому креслу во главе стола.

Добравшись до цели, она легко спрыгнула на мягкое сидение и свернулась там уютным клубочком.

– Ааа... – Марк, которого брат чинно усадил на соседний с собой стул, задумчиво потер нос и, глянув на уже явно успевшую заснуть любимицу, весело рассмеялся, – Надеюсь, папа не сядет на нее!

– Какая разница, она все равно бессмертна, – ворчливо отозвался основатель рода, опять поднимая стилет и утыкая его в столешницу.

Анри, который в присутствии младшего брата как-то сразу ощутил себя очень взрослым и очень уверенным, легко приподнял бровь.

– Совсем забыл сказать, что стол дорогой, – как бы между прочим заметил он и, услышав голоса со стороны все того же коридора, повернулся на стуле.

В гостиную вошли Татьяна и Альберт, успевшие по дороге прихватить с собою и Эрика. Последний при виде предка расплылся в улыбке – Виктор в замке был действительно не частым гостем, однако, обитатели относились к нему с искренней теплотой.

– Ваша светлость, – молодой граф, приблизившись к предку, сердечно пожал ему руку, – Рад видеть. Вы, я вижу, все никак не оставите привычки портить все встречные столы?

Вик, за короткий промежуток времени получивший уже второй укор в порче замкового имущества, вспыхнул и, легко подкинув стилет в руке, метнул его вперед, выше головы сидящего напротив Анри.

Стилет вонзился в косяк двери, ведущей к коридору, где располагалась библиотека, а далее – гостевые комнаты, и выходящий в этот момент из нее черноволосый, лохматый мужчина дернулся от неожиданности.

– Ну и приветствие... – пробормотал он и, устремив саркастический взгляд на Виктора, вежливо осведомился, – Серебром в меня швырять изволите, Ваша светлость?

– Мои стилеты не серебряные, – мужчина вздохнул, слегка разводя руки в стороны, – Прости, Рене. Я не ожидал, что так получится.

– Еще бы, – человек, известный как Ричард Лэрд, а также как некогда опальный баронет Ренард Ламберт, ухмыльнувшись, легко выдернул вошедший довольно глубоко в косяк стилет и, поигрывая им, приблизился к столу, занимая свое место, – Ожидал бы – подготовился бы лучше. Что тебя так взволновало, друг мой? – мужчина еще раз подкинул стилет на ладони и, перехватив его за лезвие, протянул старому знакомому рукояткой вперед.

Тот принял оружие и, окинув долгим взглядом обитателей замка, культурно уложил его на столешницу.

– Меня упрекнули в порче имущества, – буркнул он и, вздохнув, хотел, было, сказать что-то еще, однако, оказался перебит громогласным, возмущенным мявом.

Тиона, которую молодой граф попытался вежливо и очень аккуратно вытурить из своего кресла, возмутилась такой дерзостью и без раздумий выпустила когти.

Эрик, который, в общем-то, к кошке относился более, чем благодушно, даже любил ее, зашипел сквозь зубы, созерцая несколько быстро наливающихся кровью царапин.

– Хорошая киса... – пробормотал он и, окинув взглядом всех, присутствующих в гостиной, остановился на младшем из своих сыновей, – Сынок, ты, кажется, умеешь с ней договариваться?

Марк равнодушно пожал плечами. Он, как, впрочем, и старший его брат, с кошкой договариваться действительно умел, но и характер ее знал прекрасно, так что предсказать действия хвостатой безобразницы мог.

– А толку-то? – Анри, заметив жест брата, предпочел расшифровать его, – Папа, если Тио не захочет уйти сама – ее не выгнать. Придется, видимо, пока что уступить право восседать во главе стола ей, – он быстро глянул на братишку и, стараясь скрыть улыбку, облизнул губы.

Паренек, сам хихикая, важно кивнул.

– Да, папа, Тиона у нас благородных кровей, и вполне имеет право сидеть на твоём троне. Не будь жадиной!

Молодой граф ограничился красноречивым вздохом и, присев на соседний с креслом стул, перевел взгляд на усмехающуюся супругу.

– Милая, тебе не кажется, что мы излишне разбаловали наших детей и животных?

Татьяна, ощущая, что ее начинает душить смех, заинтригованно приподняла брови.

– Прости, милый, а под «животными» во множественном числе, ты подразумеваешь еще Винсента и Ричарда? – заметив явственно негодующий взгляд оборотня, она куснула себя за губу и очень серьезно кивнула, – В этом случае – да, безусловно, мы нещадно их разбаловали. Но, боюсь, с этим уже ничего не поделаешь.

Муж девушки выразительно воздел взгляд к потолку и, ничего не сказав, махнул рукой. Продолжать тему сейчас не хотелось.

Альберт, присевший с другой стороны стола, как раз напротив графского кресла, и уже некоторое время как о чем-то размышляющий, внезапно нахмурился.

– Ребята... а кто-нибудь из вас случайно не знает, где мой сын? Мне кажется, он обещался вернуться вчера к вечеру, но я по сию пору его не видел.

Татьяна пожала плечами, усаживаясь рядом с младшим сыном. Она трагедии в этом не видела.

– Папа, Андре постоянно где-то пропадает по своим контрабандистским делам, уж ты-то должен бы знать! – она вздохнула, – Даже я уже смирилась с этим. Он мне, кстати, вчера звонил, сказал, что еще немного задержится. Что-то смутное упомянул, что хочет старого друга навестить... – девушка внезапно смутилась и неловко заерзала на стуле, – Я ему вкратце объяснила, что тут у нас происходит.

Великий маг удивленно изогнул бровь. Ругать дочь за проявленную несдержанность он не намеревался – даже наоборот, был рад, что она обо всем сообщила брату, поражался скорее его поведению и реакции.

– И... и что, он даже не пожелал поторопиться?

Девушка сжала губы и отрицательно покачала головой.

– Он сказал, что в таком случае просто обязан повидать «старого друга». Честно говоря, не знаю, о ком идет речь – Андре не уточнял, а друзей у него может быть много...

– Или всего один, – осторожно заметил Анри и, неловко коснувшись виска, виновато прибавил, – Всем нам хорошо известный морской волк.

Чарли вошел в рубку, недовольно почесывая подбородок – побриться он не успел, отвлеченный галлюцинациями и вызовом, и теперь чувствовал себя несколько неуютно.

Обнаружив, кроме капитана, в рубке еще одного человека, Бешенный резко затормозил, изумленно вскидывая брови.

– А ты что здесь делаешь?

Капитан негромко хмыкнул, не позволяя ответить неожиданному визитеру.

– Значит, вы и вправду знакомы?

– Виделись, – Чарльз раздраженно сунул руки в карманы, сдвигая брови, – Было дело – штормовали вместе у английских берегов.

– Да, что-то вроде парусной регаты, – подхватил его знакомый: парень, по виду не старший, но какой-то более матерый по сравнению с худощавым экс-пиратом. Он был достаточно высок, одет, по прекрасно известной последнему привычке, в легкую рубашку с распахнутым воротом, позволяющим увидеть платок, охватывающий шею, и простые джинсы, скрывающиеся в голенище высоких сапог. Светловолос и длинноволос, впрочем, шевелюру свою собирал в небольшой хвостик на затылке. В левом ухе у него покачивалась откровенно разбойничья серьга, что прибавляло этому парню сходства с пиратом.

Впрочем – и Чарли знал это – как раз пиратом молодой человек никогда и не был.

– Угу, – Бешенный немного помрачнел, – Этот придурок тогда корабль на рифы посадил.

– А мне помнится, что это ты отобрал у меня штурвал, и отправил «Соарту» напрямик на рифы, – прищурился старый знакомый. Экс-капитан так и вспыхнул, гневно сдвигая брови и взмахивая вытасченной из кармана рукой.

– Да ты мне штурвал не давал, дергал его во все стороны, шакалий выродок! Если бы твоим бригам правил я...

– Так, парни! – капитан, очевидно, утомившийся слушать непонятные разборки между одним из своих подчиненных и причалившим к корвету незнакомцем, почел за лучшее вме-

шаться, – Идите-ка вы в каюту Чарли, и там ругайтесь. Море пока спокойно, матросы здоровы, думаю, мы проживем полчаса и без судового врача.

Бешенный сумрачно кивнул в знак благодарности и, козырнув по привычке, махнул рукой старому знакомому, призывая его следовать за собой. Тот не преминул подчиниться.

До каюты шли молча, не желая беседовать на слишком интересные темы в присутствии матросни, туда-сюда снующей по палубе. Когда же Чарли, наконец, пропустив старого знакомого внутрь, закрыл за собою дверь, тот повернулся к нему с широкой улыбкой и, отбросив церемонии, крепко обнял, хлопая по спине.

– Рад видеть тебя живым и здоровым, капитан, – ухмыльнулся он и, дождавшись ответных объятий, отстранился, – Сколько лет, Чарли! А ты все такой же.

– Ты ведь знаешь, чья это заслуга, – Бешенный негромко вздохнул и, присев на койку, скупой улыбнулся, – Ты тоже не меняешься, Андре. И, как мне известно, тоже благодаря отцу... что тебя привело ко мне?

Андре, которого упомянутый отец в замке ожидал с таким нетерпением, легко пожал плечами и, мгновенно серьезнея, внезапно погасил улыбку.

– Поначалу я хотел просто проведать тебя, – негромко начал он, – Узнать, как жизнь, как море... но по пути узнал кое-что важное, о чем не имею права умалчивать. Тем более, что ты к этому имеешь прямое отношение, Бешенный, ты ведь все еще наследник...

– Стоп! – экс-пират резко вскинул руку, сдвигая брови, – Единственное, к чему я мог иметь отношение как *ego* наследник, уже давно в прошлом, Андре. Чес сидит в подвале Нормонда, Ан навечно обращен пауком – жизнь прекрасна и спокойна, и что может ее поколебать...

– Ну, хотя бы то, что Ан уже пятнадцать лет как не паук, – невозмутимо отозвался контрабандист, и Чарли внезапно порадовался, что сидит. Он приоткрыл рот, недоверчиво и непонимающе вглядываясь в старого друга и, наконец, неуверенно покачал головой.

– Это... Слушай, капитан, шутить ты никогда не умел, но сейчас...

– Это не шутка, – Андре мрачно улыбнулся и, тяжело вздохнув, окинул приятеля внимательным взглядом, – Правильно сделал, что сел. Мне самому Татьяна рассказала только вчера, когда я позвонил, чтобы предупредить, что задержусь, я, к сожалению, стоял... За штурвалом катерка, на котором причалил к вашему корвету. Клянусь, едва за борт не вывалился! Ан – не паук, потому что Анри, будучи шестилетним сопляком, снял проклятие, что наши навели на него. И все пятнадцать лет они общаются как хорошие друзья, более того – мальчишка убежден, что ворас и в самом деле искренен с ним!

– Он что, с ума сошел?.. – Чарли ошалело покрутил головой, – Нет, Андре... я... Анри вырос умным парнем, не мог же он оказаться так глуп, чтобы совершить... *такое*, – парень сделал страшные глаза, – С твоих слов понимаю, что хоть мальчик и верит, Анхель не искренен?

Андре задумчиво потер подбородок и прошелся по каюте. Он сам знал мало что – сестра по телефону пересказала ему все, творящееся в замке, очень и очень сжато, поэтому многого он так и не понял, но сознавал необходимость поставить старого друга в известность.

– В общем, слушай, – парень махнул рукой, – Перескажу, как знаю сам, а там уже... посмотрим.

Собеседник его кивнул и всем видом изобразил внимание.

...Рассказ у контрабандиста не занял и пяти минут – если ему все было пересказано вкратце, то сам парень сокращал это еще больше, чем совершенно запутал слушателя, но, в конечном итоге, все-таки сумел прояснить для него ситуацию.

Чарли помолчал, прикидывая масштабы катастрофы и мысленно сопоставляя их со своими возможностями, потом вздохнул.

– Я не смогу покинуть корабль, Андре, – парень сцепил руки в замок, облокачиваясь на собственные колени и глядя в пол, – Сейчас не смогу...

– А даже если бы и смог, – неожиданно поддержал его собеседник, – Чтобы ты сделал? Если Чес научился сопротивляться Нейдру – он может и еще один прямой удар пережить! Или даже похуже – вырвет его у тебя из рук, и... – Андре содрогнулся, представив исход такой ситуации и, поморщившись, продолжил, – Нет, Чарли, если Чеслав начинает вновь набирать силу, я думаю, что тебе лучше бы держаться подальше от замка, да и вообще от Франции. Боюсь, что эта рыжая тварь в первую очередь именно на тебе отыграться и захочет – мсть и все такое.

– Ему вроде есть кому мстить, – пасмурно откликнулся парень, – Если Анри удастся перевоспитать его дружка, обязанности по вселенской мести придется взвалить на себя Чесу. Я бы на твоём месте поспешил домой, друг – за твою семью я боюсь больше, чем за себя.

– И очень напрасно! – контрабандист укоризненно воздел палец и покачал им, – Моя семья состоит из нескольких весьма сильных и способных магов, а после свадьбы Эрика и Татьяны их число только увеличилось! Они защищены куда больше тебя, – Андре сдвинул брови, – Будь осторожен. Будь очень осторожен, Чарли и, если что... мой номер у тебя есть.

За окном бушевала метель. Обитатели замка, собравшись в гостиной, мирно попивали теплый напиток – кто чай, кто кофе, а кто и горячий шоколад или какао, – и старательно не думали о том, что может ждать их завтра.

Альберт в раздумье листал какую-то большую книгу, ища в ней что-то, могущее помочь им или одолеть Чеслава окончательно, или спасти из-под его гнета Анри.

Сам молодой наследник усердно чертил очередной тригонометрический график – Анхель помог только с одним, а оставалось еще три. Срок же сдачи задания истекал послезавтра, и парень был вынужден отвлечься от более животрепещущих и насущных проблем во имя учебы.

Младшие брат и сестра его весело возились у камина, не то причесывая отчаянно выдирающуюся кошку, не то пытаясь надеть на нее что-то вроде шлейки. Тиона грязно ругалась по-кошачьи, царапалась и даже иногда выскальзывала из рук безобразников, но тотчас же сама возвращалась обратно, снова вступая в игру.

Граф и графиня де Нормонд сидели рядом: Эрик попивал чай, рассматривая потолок и о чем-то размышляя, Татьяна читала.

Роман и Людовик что-то негромко обсуждали. Периодические взрывы хохота ясно давали понять, что обсуждение довольно забавно.

Ричард тихонько переговаривался с Виктором, опять портящим стилетом стол и, периодически переглядываясь с Дэйвом, вспоминал о делах давно минувших дней.

В гостиной царил абсолютный уют, совершенное умиротворение и, что было, в принципе, довольно удивительно для этого замка, – практически полная тишина, наполненная лишь негромкими, приятными слуху и сердцу звуками.

Звук открывшейся входной двери и последовавшее за ним холодное дыхание зимы, прокатившееся по гостиной, заставило всех присутствующих, отвлекаясь от собственных занятий, обратить взгляды к двери, ведущей в холл.

Прозвучали знакомые шаги по мраморному полу, и в гостиную вошел Андре, недовольно стряхивающий со светлых волос снег и пытающийся не сбить на сторону хвостик.

– Здравствуй, дедушка Сугроб! – Роман оживленно вскочил на ноги, с ухмылкой оглядывая заснеженного кузена, – А машинами-то мы теперь не пользуемся совсем, да?

– Бензин кончился, – контрабандист был мрачен и решительно не настроен на шутку, чего не скажешь о горячем чае и теплом одеяле, – Всего полкилометра до Нормонда оставалась, а мотор заглох.

– Надо было возвращаться вчера, – Альберт, снова опустив взгляд к книге, мимолетно поморщился, – Ты обещал.

– Я навещал Чарли, – Андре, даже не думая извиняться, недовольно дернул плечом и, прошествовав мимо стола к камину, со вздохом уселся на пол перед ним, рядом со своими маленькими племянниками, – Привет, ребята. Не против, если я тут посохну?

Марк с Адой, переглянувшись, синхронно пожали плечами. Дядю они любили, и возражать против его общества никогда бы не стали, но в этот раз ситуация немного осложнялась присутствием Тионы.

– Если ты не боишься, что Тио тебя оцарапает – мы «за», – заявила девочка и, хихикнув, подтолкнула кошку к новому участнику игры, – Иди, поздоровайся с дядей Андре...

Контрабандист, ничуть не опасаясь кошачьих когтей, легко протянул руку и потрепал несколько удивленную этим Тиону по ушам, после чего демонстративно придвинулся к огню поближе.

– На ужин будет жаренный сугроб, – прокомментировал это Людовик и демонстративно вздохнул, – Эй, капитан! Ты бы хоть приличия ради рассказал, что там от твоего коллеги по штурвалу слышно, вместо того, чтобы нахально греться.

Татьяна отложила книгу и, облокотившись на стол, с интересом подалась вперед. Ее старший сын, каким-то шестым чувством сознавая, что речь сейчас пойдет о вещах немаловажных и даже, вполне вероятно, конфиденциальных, тех, что рыжему оборотню лучше было бы не слышать, склонился ниже над своим заданием, старательно углубляясь в него.

Андре, не поворачиваясь, протянул руки к огню и помолчал. Потом медленно и глубоко вздохнул, явственно расслабляясь.

– Ну вот, начинаю ощущать, что оттаиваю. Чего ты ждешь от меня, кузен? Чарли, по счастью, жив, здоров и абсолютно ничего не знает о Чесе и его гнусных делишках. Был сильно удивлен, когда я ему о них поведал.

– На огонек заглянуть не пожелал? – девушка, возлагавшая на бравого морехода большие надежды (в конечном итоге, это же именно он в прошлый раз сумел одолеть рыжего!), с интересом склонила голову набок. Брат ее мотнул головой.

– Во-первых, он не может покинуть корабль, даже при всем желании. Ну, а во-вторых, я сам сказал ему держаться от замка подальше, – Андре оглянулся через плечо на сестру, – Если Чарли появится здесь, Чес может начать мстить ему за свое поражение. Одному Богу известно, чем это может завершиться...

– Ничем хорошим, – буркнул Анри и, не желая привлекать к себе излишнего внимания, быстро вытер скользкую из носа капельку крови: Чеславу не нравилось, когда его имя сокращал кто-то, кроме названного брата, и недовольство свое он выражал через причиняемую боль.

Впрочем, действий юноши никто не заметил. Контрабандист, скользнув по нему взглядом, тихонько вздохнул и, кивнув, вновь устремил взгляд в пламя.

– Это уж точно, – тоскливо отозвался он, – Как он себя ведет-то? Не сильно безобразничает?

– Ну, если не считать того, что он *уже* сделал с моим сыном, пленник ведет себя чрезвычайно культурно, – хладнокровно отозвался граф де Нормонд и, бросив взгляд на мрачного, как безлунная ночь, наследника, покачал головой, – Ты можешь уйти, если хочешь.

Намек был ясен, очевиден и понятен всем и каждому из присутствующих, однако, Анри упрямо помотал головой. То, что от отца не укрылась стертая капелька крови, парень догадался, однако, никак комментировать это не пожелал.

– Еще чего, – недовольно проворчал он, опять склоняясь над тетрадью, – У меня задание. Я его делаю. А вы болтайте, болтайте...

– Мы болтаем, – с готовностью отозвался Роман, опять поворачиваясь к сидящему у камина молодому человеку, – А кроме путешествий по морю куда тебя носило? Опять контрабандой промышляем-с, уважаемый?

Андре передернул плечами и слегка развел руки в стороны.

– Ну, надо же как-то жить. Хотя, замечу, уважаемый кузен, что на сей раз мои дела имели цели весьма благородные! – парень решительно поднялся на ноги и, приблизившись к своему стулу, уселся на него, кладя на стол перед собой сцепленные в замок руки, – Помогал Владу продать пару картин, свел его с нужными людьми. Наш друг – талантливый художник, я хочу поспособствовать признанию его работ.

– А вот Чарли его мазня возмущает, – элегически молвил Луи, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди, – Особенно после того, как Влад нарисовал капитана на мостике фрегата. Чарли чуть не убил его, но картину забрал, до сих пор, поди, с собой возит!

– Чарли тоскует по прошлому, – на сей раз голос решил подать доселе молчаливо внимающий беседе Ричард и, хмурясь, тяжело вздохнул, – Может, ему и вправду лучше не показываться возле замка. Чеслав умеет подцеплять за крючок сильных эмоций, мне бы не хотелось, чтобы он опять сделал Бешенного пиратом и настроил против нас!

– Этого мы ему не позволим, – негромко молвил Виктор, сосредоточенно вертя стилетом дырочку в столе.

– Вик! – Людовик, заметивший, наконец, вандализм предка, красноречиво закатил глаза, – Новый стол сам покупать будешь!

Граф обиженно засопел, однако, портить мебель перестал и демонстративно уткнул стилет острием в собственную ладонь.

– Мои средства давно иссякли, Луи. Я думал, ты осведомлен...

– Однако, на хорошую квартиру тебе хватило, – каверзно ввернул Роман, – Так что не прибедняйся, граф, стол ты нам все-таки заменишь! Ну, или купи себе табуреточку, сиди и ковырай... Слушай, Вик, может, ты в душе столяр?

Основатель рода, не ожидавший такого заявления, едва не выронил стилет, негодуяще взирая на наглого виконта.

– Ты... ты переходишь все границы, потомок! Имей совесть, я просто успокаиваю нервы, и...

– Успокаивай их не об нашу мебель, – кротко попросил его потомок, носящий графский титул и, тонко улыбнувшись, устремил взгляд на Андре, – Пожалуй, кузен не откажется, если кто-нибудь из магов сотворит ему чашечку чая?

– Какао, – моментально отреагировал контрабандист и, очаровательно улыбнувшись, в упор глянул на Романа, явственно сваливая эту обязанность на него, – Премного благодарен.

Виконт красноречиво фыркнул, и перед кузеном его возникла исходящая паром чашка, источающая приятный теплый аромат.

...

Анхель обратился на полушаге, спокойно и размеренно приближаясь к равнодушно глядящему на него другу. Чеслав, все такой же скованный, такой же обманчиво-обессиленный, при звуке его шагов чуть улыбнулся и неспешно открыл глаза.

– Как ты вовремя пришел ко мне, Ан, – оборотень глубоко вздохнул, поднимая скованные руки и глядя кончиками пальцев железный ошейник, – Хорошо. Одному мне было тоскливо.

– Прежде ты не тосковал, – заметил Анхель, останавливаясь рядом с ним и чуть склоняя голову набок, – Что изменилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.